

На правах рукописи

БЕЛОВА Анна Валерьевна

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ДВОРЯНКИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (XVIII - середина XIX в.)

Специальность 07.00.07 - этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2009

Работа выполнена в Отделе русских Учреждения Российской академии наук
Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Научный консультант - доктор исторических наук, профессор
Пушкарева Наталья Львовна
(Институт этнологии и антропологии им.
Н.Н.Миклухо-Маклая РАН)

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Цеханская Кира Владимировна
(Институт этнологии и антропологии им.
Н.Н.Миклухо-Маклая РАН)

доктор исторических наук
Агеева Ольга Гениевна
(Институт российской истории РАН)

доктор исторических наук, профессор
Котлова Татьяна Борисовна
(Ивановский государственный энергетиче-
ский университет им. В.И.Ленина)

Ведущая организация - Ленинградский государственный универси-
тет им. А.С.Пушкина

Защита состоится «15» декабря 2009 г. в 14.30 часов на заседании диссертаци-
онного совета Д 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степе-
ни доктора и кандидата исторических наук при Институте этнологии и антро-
пологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН (119991 Москва, Ленинский проспект,
32а, кор. В).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и ан-
тропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Автореферат разослан «8» ноября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук

А.Е.Тер-Саркисянц

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Изучение повседневного быта, динамики его изменений, особенностей и содержания в прошлом и настоящем - новое важное направление современного исследовательского поиска. В нынешнем постиндустриальном обществе повседневная жизнь человека незаметно, но постоянно подвергается стандартизации, а это, в свою очередь, становится одним из каналов воздействия массовой культуры на сознание, манипуляции им. Реакцией на этот постмодернистский вызов, стремлением избежать подобного насилия объясняется усиление исследовательского поиска в отношении изучения повседневности в исторической и этнологической ретроспективе. Изучение повседневной жизни позволяет многое узнать о человеке. Это способствует более достоверному исследованию исторических процессов, обретающих контуры «живого», действительного, не схематизированного прошлого.

Гендерный фактор и его влияние на содержание структур повседневного - еще более новое направление в изучении обыденного в разные исторические эпохи. Аналитическая работа над источниками с учетом воздействия этого фактора на процессы и явления позволяет понять то, как люди проводили свою жизнь изо дня в день, выявить различия в их социальном статусе, имущественном и правовом положении, уровне образованности и интеллектуальных запросов, степени религиозности, приверженности этнокультурным традициям, то есть приблизиться к пониманию основных параметров ежедневного бытия мужчин и женщин.

Для системного анализа состояния любого общества необходима комплексная характеристика всех без исключения социальных слоев. В современной историографии особую эвристическую значимость имеет методологическое признание того, что повседневная жизнь представительниц и представителей различных сословий имперской России являлась важной составляющей исторического процесса. В силу идеологических ограничений привилегированные слои российского общества оказались наименее исследованными в исторической, историографической и этнологической науках XX в. Российские дворяне, составлявшие чуть более 1 % населения империи и, вместе с тем, игравшие определяющую роль во всех сферах жизни общества, – один из «забытых» отечественной историографией социальных слоев, что делает неполной этнографическую картину прошлого. Этнология женской части дворянства незаслуженно оставалась вне поля зрения специалистов еще и ввиду непризнания за дворянками качественного вклада в созидание и трансляцию своеобразного этоса дворянской культуры в период ее становления и расцвета. Причина этого – в сохранявшейся методологической установке на андроцентризм любой из исторически существовавших культур. Содержание повседневной жизни женщины является темой, через которую мы понимаем женскую личность определенной эпохи, поскольку «повседневность» - это самое типичное, привычное, незамечаемое, ритуализованное, в конечном счете, - это устойчивые стили жизни, подлежащие, однако, в отличие от близкого по смыслу «быта», субъективному

переживанию и рефлексии. Историко-этнологическое знание о женской личности имеет важность сегодня не только ввиду повышения социально-политической и экономической роли женщин в современном мире, формирования стандартов гендерного равенства, но и ввиду необходимости нового постижения истории через исследование глубины и масштабности ее собственно «человеческого» измерения, через качественное проникновение в жизненные опыты конкретных, «живых» людей определенного пола, придающее историческим реконструкциям этнологическую достоверность.

В связи с этим особую актуальность в настоящее время имеет изучение повседневной жизни провинциальной дворянки Центральной России (XVIII - середина XIX в.) как наиболее репрезентативной представительницы женского дворянского сообщества. Провинциалки – «рядовые» обитательницы дворянских усадеб европейского Центра империи, - несмотря на отсутствие в историографии адекватного представления о том, что составляло их повседневную жизнь, привычки, вкусы, предпочтения, мотивации, чем именно они отличались от столичных дворянок, подверглись наибольшей негативизации. Главный упрек в их адрес – необразованность – сегодня не выдерживает критики. Наличие же различий между провинциальными и столичными дворянками не отмечает черт сходства между ними в том, что касается их антропологической сущности. Поэтому целесообразным и эффективным становится исследование женской дворянской повседневности посредством анализа структурообразующей категории возраста. Именно возрастные особенности являлись важнейшим фактором организации и дифференциации повседневной жизни провинциальных дворянок, определяли их поведение и мировосприятие. С осознанием возрастной идентичности соотносились качественно различные антропологические опыты и последовательно сменявшие друг друга этапы жизненного цикла дворянок. Изучение мира повседневности разновозрастных провинциалок вне круга столичных вестернизированных светских условностей, а в ряде случаев в сравнении с ними, позволяет реконструировать не только механизмы функционирования исконных пластов дворянской культуры, но и национальной культурной традиции в целом. Тема диссертационного исследования интегрирует проблемный и методологический потенциал нескольких актуальных в современной историографии научных направлений - гендерных и женских исследований в этнологии, гендерной антропологии и истории повседневности, антропологически ориентированной истории, истории женщин и гендерной истории.

Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. никогда ранее не становилась предметом специального исследования в отечественной исторической и этнологической науке. Антропологический ракурс женского бытия, а именно: специфические переживания, сопряженные с трансформацией собственной телесности и эмоциональности в периоды детства девочек, взросления девушек, зрелости женщин репродуктивного возраста, старения пожилых женщин, вообще, не считался достойным анализа на примере дворянской культуры. В силу этого нерешенными в отечественной историографии оказались вопросы о том, что представлял собой жизнен-

ный цикл дворянок, в чем заключались содержание и особенности прохождения ими разных возрастных этапов, какие обычаи, традиции, обряды могли быть с этим связаны. Соответственно, из сферы историко-этнологического изучения исключен ряд важных проблем, а именно: как сами российские дворянки осознавали, воспринимали и переживали различные антропологические состояния и основные «вехи» своей жизни, в какой мере категория «возраста» и сопряженные с ней нормы поведения, стереотипы и реальные опыты проживания, осмысления и чувствования структурировали их жизненный континуум, их «миры повседневности». Изучение разнообразных аспектов повседневной жизни российских дворянок позволяет понять, как «рядовые» индивиды женского пола проживали и переживали изо дня в день наиболее привычные, казалось бы ничем не примечательные, жизненные реалии, каким было самоощущение дворянской женщины на разных этапах жизненного цикла. В конечном счете, это приводит к непосредственному пониманию человека в истории, причем с учетом гендерных и этнических различий, что актуально как для социальной и культурной антропологии русских, в том числе в историческом аспекте, так и для социальной истории России в целом.

Актуальность этнографического изучения «возрастов жизни» (термин Ф.Арьеса) российских дворянок и «пережитой» ими в разных возрастах истории повседневности определяется неисследованностью, в целом, этнологического и антропологического измерения дворянской культуры, которая никогда не маркировалась как традиционная, и следовательно, не становилась объектом внимания этнологов¹. Вместе с тем этнологический интерес к дворянской культуре представляется оправданным не только с точки зрения исторической этнографии, в частности этнографии быта разных сословий, и истории повседневности, но и в контексте общей тенденции в развитии антропологического знания рубежа XX-XXI вв. к расширению предмета исследования: от незападных, дописьменных культур к культурам всех типов, вплоть до современных. Систематическое изучение традиционно-бытовых компонентов дворянской культуры, то есть обычаев, традиций, верований, искусства, обрядов, праздников, в особенности свадебной и родильной обрядности, анализ гендерной дифференциации жизненных циклов женщин и мужчин имеет существенное значение для исследования проблемы сохранения традиционного русского быта, укорененность в котором (несмотря на внешнюю европеизированность и наряду с ней) составляла важную этнокультурную характеристику дворянского сообщества. При таком понимании повседневная жизнь провинциальных дворянок – часть общей социально-культурной антропологии России XVIII – середины XIX в.

Историографический «прорыв» последних десятилетий XX в. в области истории женщин и междисциплинарных гендерных исследований показал, что игнорирование гендерной методологии, позволяющей вскрывать властные иерархии между полами, а также внутри каждого из полов, ведет к неизбежному

¹ Редкое исключение в этой связи: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М., 1997.

искажению прошлого. Гендерно ориентированная история повседневности – это совсем «другая» история: более достоверная и комплексная. Гендерная составляющая проблемы обусловлена тем, что при видимой патриархальности дворянской культуры определяющую роль в функционировании и воспроизводстве традиционного быта играли жизненные практики и ежедневные опыты женщин. Этногендерный анализ повседневности российских дворянок приближает к решению ряда фундаментальных проблем, связанных с этнологическим и социокультурным прошлым, таких как: проблема механизмов формирования и транслирования национальных культурных традиций, проблема этно- и социокультурной природы дворянства, проблема дворянской ментальности, проблема механизмов внутренней консолидации дворянской общности, проблема этнокультурного взаимодействия дворянства и крестьянства. Изучение этих проблем изменяет всю социальную историю российского дворянства, расширяет наши представления о русской культурной традиции.

При всей незавершенности (в отличие от западных историографий) процесса институционализации истории повседневности как одного из направлений в российской исторической науке, при неразработанности понятия «повседневность» и соотношения истории повседневности с этнологией, при отсутствии полномасштабных комплексных исследований повседневных практик и структур повседневности представительниц и представителей отдельных групп и слоев дворянского сообщества проблема этнологии, возрастной и гендерной антропологии женской дворянской повседневности, выявления динамики повседневных опытов дворянок с учетом влияния не только и не столько европеизации, сколько традиционных этнокультурных факторов на протяжении полутора-векового господства структур крепостного хозяйства в Российской империи представляется своевременной и актуальной.

Объектом исследования в диссертации является дворянское сословие России от начавшейся при Петре I «европеизации» общества и культуры до середины XIX века, когда модернизация столичной и прилегавшей к столицам части российского дворянства окончательно и бесповоротно стала осуществляться в рамках европейской традиции, ориентируясь на нее.

Предмет исследования - структуры женской повседневности, иными словами - образ жизни и быт, строй мышления, сфера ценностей и предпочтений российских дворянок на разных этапах жизненного цикла, факторы их формирования и динамика социокультурных изменений в этих структурах, соотношение в них традиций и инноваций.

Хронологические рамки диссертационного исследования обусловлены попыткой проанализировать проявления динамики и статики в «структурах повседневности» женского провинциального дворянского мира, в повседневных жизненных опытах и переживаниях дворянок разных возрастных категорий на протяжении полутора-векового периода традиционного существования российского общества в рамках империи от ее основания до проведения буржуазных реформ 1860-70-х гг., приведших к структурным социальным изменениям.

Нижняя граница изучаемого периода, относящаяся к доиндустриальной

эпохе, совпадает с началом «европеизации» - интенсивного видоизменения российского общества, особенно дворянства, по западноевропейскому образцу - и обособления дворянской культуры из единой национальной культурной традиции в связи с преобразованиями Петра I первой четверти XVIII в. *Верхняя хронологическая граница* примыкает к началу буржуазных преобразований в России 60-70-х гг. XIX в., когда вследствие либеральных реформ, отмены крепостного права страна, уже вступившая на путь модернизации и вестернизации, переживала глубинные структурные потрясения. В результате последних дворянство утратило статус той социальной группы, участие которой в экономике определяло общественный уклад, и больше не являлось единственным слоем, продуцировавшим «высокую» культуру. Характеристика же дворянского сообщества как носителя традиционной культуры также в это время подверглась модификации в связи с разрушением как раз провинциальных миров, трансформацией привычного усадебного быта, утратившего экономическую жизнеспособность. Кроме того, общественный резонанс так называемого «женского вопроса» и начало эпохи женской эмансипации в России, открывшей новые социальные возможности для представительниц высшего сословия, спровоцировали не только смену ценностных приоритетов и картины мира многих из них, но и качественные изменения в их повседневной жизни.

Территориальные рамки исследования включают в себя центральноевропейскую часть Российской империи, прилегающую к столицам. Это, по преимуществу, губернии традиционного местоположения дворянских усадеб, а следовательно, территории преобладающего присутствия провинциального дворянства - Тверская, Ярославская, Смоленская, Калужская, Рязанская. Провинциалки, проживавшие и владевшие имениями в этих краях, воплощали среднерусский тип дворянок – наиболее характерных носительниц дворянской ментальности и образа жизни. Немаловажно и то, что провинциальный мир Центра России соприкасался так или иначе со столичным и развивался не изолированно от него. За наиболее типичный образец центральной провинции принят тверской край, ввиду его промежуточного расположения между двумя российскими столицами. Это способствовало особенно интенсивному взаимопроникновению столичной и провинциальной культур на данной территории, более активному социокультурному взаимодействию тверских, московских и петербургских дворянок, создавало условия для усиления пространственной мобильности провинциалок, влиявшей на организацию и содержание их повседневной жизни.

Цель диссертации - комплексное исследование повседневной жизни, повседневных жизненных опытов и переживаний провинциальных дворянок Центра России XVIII – середины XIX в. через изучение особенностей каждого возраста – детства, девичества, зрелости, старости, - применяя гендерный подход как синтез познавательных стратегий, то есть обобщая наработки гендерных и женских исследований в этнологии, гендерной антропологии, истории повседневности, антропологически ориентированной истории, истории женщин и гендерной истории. Целесообразным представляется выбор жизненных опытов

и переживаний в периоды детства, девичества, зрелости, старости как наиболее ярких, ранее неизученных и, вместе с тем, весьма важных для понимания всего богатства повседневности женщин, включая хозяйственную повседневность, духовную жизнь, православие, круг чтения и общения. Именно эти опыты и переживания могут выступать своего рода инвариантом антропологии женской повседневности вне зависимости от статусных, локальных и даже конфессиональных различий.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие конкретные **задачи**:

1) изучить мир «женского детства» в дворянской семейной организации XVIII – середины XIX в. и во внедомашнем пространстве институтов; проследить изменения в восприятии детства в российской дворянской среде на основе сопоставления данных визуальных и письменных источников; выявить основные типы семейного воспитания и применявшиеся в домашнем и внедомашнем пространстве воспитательные стратегии; проанализировать влияние гендерных, возрастных, статусных различий на взаимоотношения детей и взрослых в дворянской семье; реконструировать распорядок дня дворянской девочки, отличия в одежде девочек и мальчиков, детский рацион; выяснить влияние повседневности на ценностные ориентации дворянских детей;

2) проанализировать девичество в дворянской среде в XVIII – середине XIX в., особенности добрачного общения полов, обычаи и переживания, сопровождавшие переход из детства в девичество; выявить специфику осознания гендерной идентичности и традиционные формы девического времяпровождения; исследовать передачу норм поведения от матери к дочери и изменения в распорядке дня и одежде дворянской девушки; изучить механизм социального конструирования гендера в период девичества;

3) охарактеризовать замужество и реконструировать свадебную обрядность в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.; проанализировать роль женщины в обычаях и обрядах семейного цикла (эволюцию в динамике); выявить особенности восприятия в женском дискурсе различных форм брака; проследить изменения в системе ценностей, мироощущении и поведении замужней женщины по сравнению с невестой;

4) исследовать деторождение и материнство российской дворянки XVIII – середины XIX в.; реконструировать дворянский родильный обряд; выяснить отношение женщины к первой беременности и родам, особенности проведения беременности; проанализировать изменение повседневных занятий, рациона и одежды, представлений и ценностей дворянки в период беременности; изучить отношение к беременным женщинам их мужей, родных и окружающих; сравнить организацию родов и родовспоможения в придворной, столичной аристократической и провинциальной дворянской среде; уточнить значение деторождения и грудного вскармливания в осознании гендерной идентичности; проследить изменения ценностных ориентаций и повседневного быта дворянок различного социального и имущественного статуса под влиянием материнства;

5) обобщить восприятие российскими дворянками XVIII – середины XIX

в. старости как возраста жизни; выявить особенности повседневности пожилых дворянок; исследовать изменения в их системе ценностей; изучить переживание пожилыми дворянками вдовства и материнства;

б) выявить разнообразие женских субъективностей и отношение субъективных опытов к общественному контексту; произвести сопоставление и типизацию повседневных опытов и переживаний дворянок с учетом возрастных, статусных, локальных, конфессиональных, этнокультурных отличий;

7) установить внутреннее соотношение в сложных напластованиях идентичностей российских дворянок в разные периоды жизненного цикла - гендерных, возрастных, социокультурных, сексуальных, конфессиональных, этнических, локальных; проанализировать воздействие на них внешних факторов (социального окружения, культурно-бытовых традиций, политических событий);

8) определить особенности этнокультурного конструирования гендера в сфере женской дворянской повседневности;

9) уточнить черты сходства и отличия в антропологии провинциальных и столичных дворянок.

Методология и методы исследования. Подробно методологические аспекты исследования обсуждаются в первой главе, ввиду их принципиального значения для анализа изучаемой проблематики. Там же приводится теоретическое осмысление концептов «повседневность» и «женская повседневность», дается их авторское определение. В диссертации реализованы актуальные в современном этнологическом, антропологическом и историческом знании **методологические подходы**: антропологически ориентированной истории, истории повседневности, культурной антропологии, феминистской этнологии, гендерного анализа, психоанализа, системно-функциональный, культурологический, новой биографической истории и истории частной жизни.

В рамках подхода *антропологически ориентированной истории* «историческое исследование фокусируется на человеке в обществе, в группе, на человеке во всех его проявлениях»². Данный методологический подход позволяет не только воспринимать дворянок как субъектов истории, а их каждодневные взаимодействия и жизненные опыты как значимые аспекты прошлого, но и анализировать способы переживания ими повседневности в качестве категории, существенной для интерпретации исторической реальности.

Подход *истории повседневности* – «пережитой» истории «маленьких» людей и, одновременно, истории «изнутри» - обращает к исследованию российских дворянок не как обладательниц привилегированного социального статуса, а как «обычных» женщин, проживавших свои жизни с их субъективными опытами и переживаниями - радостями и горестями, ожиданиями и разочарованиями - в условиях включенности в различные властные иерархии (при понимании власти как среды, в которую повсеместно погружены индивиды) и с учетом поведения и реакций внутри них.

Подход *культурной антропологии* позволяет изучать российскую дворянскую культуру с точки зрения бытующих на протяжении длительного времени

² Гуревич А.Я. К читателю // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989. С. 7.

обычаев, традиций, сохранения ментального склада, а следовательно, в качестве одной из разновидностей традиционного типа культуры, в котором категория возраста играет важную социально детерминирующую роль.

Подход *феминистской этнологии* акцентирует исследовательскую позицию, трактующую повседневность как специфически женскую сферу социальной реализации.

Гендерный анализ социально-исторических явлений позволяет деконструировать господствующие в культуре представления о «мужском» и «женском», предписания и ожидания, связанные с полом как моделируемым социокультурным феноменом, вскрывать явные и завуалированные системы доминирования и иерархизации между полами и среди представительниц женского пола в зависимости от возраста и статуса.

Психоаналитический подход дает возможность проникнуть во внутренние мотивации поведения и эмоций разновозрастных представительниц дворянского сообщества, объяснить их скрытые предпочтения и страхи.

Системно-функциональный подход предполагает исследование дворянской культуры «как целостной, качественно определенной системы в структуре общественной жизни и в то же время внутренне противоречивой и динамичной»³. В рамках этого подхода может быть выявлено функциональное назначение структур женской повседневности, сопоставлено сохранение в них традиционных элементов и формирование новаций.

Изучение возрастной антропологии провинциальных дворянок посредством анализа сферы повседневного, их бытового поведения и сопряженных с ним эмоциональных реакций определяется *культурологическим* подходом в той мере, в которой «рассмотрение культуры в ее жизненных опосредованиях и контекстах есть специфическое дело культуролога»⁴.

Подход *новой биографической, или персональной, истории* связан с тем, что «личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, «следы» их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким образом используются для прояснения социального контекста»⁵. Этот подход позволил, в частности, изучать вдовство на примере «персональной истории» конкретной дворянки, используя категорию «индивидуального прошлого».

Подход *истории частной жизни* ориентирован на то, чтобы «увидеть деяния человека и его переживания в частной сфере как взаимосвязанные проявления, с одной стороны, ментальных стереотипов, с другой – индивидуаль-

³ Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 6.

⁴ Кнабе Г.С. Предисловие // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 11.

⁵ Репина Л.П. Индивид, семья, общество: проблема синтеза в истории частной жизни и новой биографической истории // Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 263.

ных импульсов»⁶, определить его ««пространство свободы», т.е. возможности выбора своего решения»⁷. В контексте этого подхода анализируются самоощущения дворянок: в какой мере на разных возрастных этапах они были вольны сами принимать решения, делать собственный выбор, реализовывать альтернативные модели поведения, а, в какой - следовать нормативным социокультурным предписаниям, представлениям о «должном».

В диссертации применены следующие **методы** исследования источников: качественной интерпретации, дискурсивный, «включенного» наблюдения, анкетный, «сетевого анализа», рефлексивной социологии, интерпретативный, культурологический, историко-компаративный, агрегативный, казуальный.

Методы *качественной интерпретации* источников личного происхождения предполагают «вчитывание в текст» женских писем, мемуаров, автобиографий, дневников и выяснение мотиваций авторов, их внутренних интенций как способ понимания субъективностей; ведение диалога с авторами текстов, позволяющего более точно объяснить их поведение; отказ от дистанцирования от них и псевдообъективности, а, напротив, «вживание» и «вчувствование» (эмпатию), видение в текстах «живых» людей с их эмоциями, хотя и живших задолго до настоящего времени, но имевших во многом сопоставимые антропологические переживания. Сюда же следует отнести такой метод работы с источниками, как инсайдинг (insiding) – помещение исследователя «вовнутрь» изучаемого феномена, воображаемая постановка себя на место исследуемого исторического лица, «погружение» в его жизненную ситуацию. Этот аналитический прием исходит из признания за исследователем возможности собственного эмоционального восприятия людей прошлого и ведет к «более субъективированному знанию, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания» (Н.Л.Пушкарева)⁸, утверждая, в конечном счете, по Ф.Анкерсмиту, «право историка на личный «исторический опыт», на выражение своей индивидуальности в тексте исторического нарратива»⁹.

Дискурсивный метод позволяет различать в написанных женщинами текстах разные «языки», «способы говорения», «проговаривания себя». Неоднозначность социальных ролей, играемых индивидом в жизни, приводит к пересечению и напластованию дискурсивных стратегий, с помощью которых он позиционирует себя в тексте. Применение дискурсивного метода дает основание

⁶ *Бессмертный Ю.Л.* Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л.Бессмертного. М., 1996. С. 14.

⁷ *Бессмертный Ю.Л.* О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л.Бессмертный. М., 2000. С. 572.

⁸ *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // ЭО. 2004. № 5. С. 3-19.

⁹ См.: *Зверева Г.И.* Рецепция микроисторического подхода к изучению прошлого в «новой философии истории» // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 53.

судить о том, что разрешалось и гласно или негласно запрещалось женщинам писать, а иногда и думать, о себе и своем близком и дальнем окружении, выявлять в их письменной речи позиции власти и подчинения, доминирования и субординации в том или ином пространстве.

Этнологический метод *«включенного» наблюдения* акцентирует внимание исследователя не только на фактах, свидетельствах, излагаемых в письмах, мемуарах, автобиографиях, дневниках образованных дворянок, но и на контексте повествования, на рефлексивно-эмоциональной и материально-вещной среде их повседневности.

Анкетный метод предполагает постановку перед женскими автодокументальными текстами XVIII - середины XIX в. вопросов, аналогичных тем, которые полевые этнологи задают своим респондентам-современникам, что позволяет не только достичь «полноты» опроса, но и «расслышать живые голоса».

Метод *«сетевого анализа»* позволяет объяснить поведение, субъективные опыты и переживания дворянок качеством межличностных контактов и взаимодействий, выявить «конфигурацию социальных связей индивида в соответствующий отрезок его жизненного пути»¹⁰ и понять, как эти связи структурируют индивидуальную повседневность. Этот метод особенно актуален ввиду характерного для женщин создания «сети отношений» (К.Гиллиган), об интенсивности которых свидетельствует доминирование женских писем в семейных архивах.

Метод *рефлексивной социологии* используется для сопоставления неодинаковых позиций дворянок в различных иерархиях (возрастных, внутрисемейных, локальных, гендерных и др.) и выявления линий так называемого символического насилия, применяемого к обладательницам формально привилегированного социального статуса.

Интерпретативный метод применяется к анализу как письменных, так и визуальных источников, позволяя, в первом случае, расшифровывать скрытые или табуируемые смыслы, в том числе и подлежавшие неосознанному умолчанию, во втором, - символику жестов, поз, композиции и характерных атрибутов изображения.

Культурологический метод позволяет выявить, сопоставить и объяснить видимые «противоречия» в культуре, такие, например, как соотношение корневого и заимствованного начал, традиционного и инновационного, придание особого смысла одним «возрастам жизни» и обесценивание других. Наряду с этим речь может идти о культурологических параллелях в восприятии и оценке возрастной и гендерной антропологии более раннего и последующего времени.

С помощью традиционного для отечественной историографии *историко-компаративного* метода осуществляется сравнительный анализ локальных, хронологических, дискурсивных, социальных, культурных и других различий.

Агрегативный метод позволил суммировать разрозненные факты по истории женской возрастной антропологии и повседневности из источников различных типов и видов, а *казуальный* – уделить пристальное внимание анализу

¹⁰ Ретина Л.П. Указ. соч. С. 268.

уникальных, нетипичных субъективных опытов и переживаний, которые даже в этом своем качестве являются репрезентативными с точки зрения меняющихся форм восприятия людей и внутреннего своеобразия той или иной эпохи.

Научная новизна диссертации. Впервые в историографии предпринята попытка специального комплексного изучения динамики повседневных практик и структур повседневности, внутренне дифференцированного повседневного опыта и переживаний российских дворянок с применением гендерной методологии на основе анализа разнородных, преимущественно субъективных, источников, большинство из которых, прежде всего женские письма, вводятся в научный оборот. В диссертационном исследовании разрабатывается и внедряется принципиально новый подход к этнологическому изучению российской дворянской культуры, синтезирующий познавательные стратегии актуальных научных дисциплин: гендерных и женских исследований в этнологии, гендерной антропологии и истории повседневности, антропологически ориентированной истории, истории женщин и гендерной истории. Положения, выносимые на защиту:

1) Непосредственное участие женщин в трансляции и репродукции различных форм этно- и социокультурного опыта, их решающая роль в социализации детей обоего пола, наряду с прочими характеристиками, позволяет интерпретировать дворянскую культуру XVIII - середины XIX в. как традиционный тип культуры, а гендерную специфику провинциальной повседневности - как обусловленную фактором неизменного и преобладающего женского присутствия. Анализ жизненных практик и ежедневных опытов провинциальных дворянок дает возможность реконструировать «сети влияния», существенные для нового понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности.

2) Исследование женской повседневности, возможно, позволит понять, какое место в организации дворянской общности отводилось традиционному и вновь созданному порядку полов (гендерному контракту), как они соотносились друг с другом. Это создаст перспективы и основы для исследования важнейших аспектов возрастной антропологии российских дворянок сквозь призму гендерной этнологии, поможет понять силу и векторы влияния гендерной стратификации на традиционные обряды их жизненного цикла.

3) Этногендерный анализ участия провинциальных дворянок в традиционных обрядах жизненного цикла опровергает представление о всеобъемлющей вестернизации дворянской культуры, размывании национальной идентичности российского дворянства. Сохранившаяся переписка провинциалок характеризует их как образованных представительниц привилегированных слоев общества, повседневная жизнь которых определялась наряду с матримониальными, репродуктивными, конфессиональными, хозяйственными интересами, интеллектуальными запросами и приобщенностью к письменной культуре.

4) Наряду с представлением о значимости провинциальных миров для сохранения традиционности русского быта, несмотря на все европеизации, новым является не предпринимавшееся ранее выяснение степени сходства и отличия

структур повседневности провинциальных и столичных дворянок. Условность формальной классификации дворянок по локальному признаку переносит акцент на анализ собственно этоса дворянской культуры, то есть внутренних культурных норм, организующих единство дворянской социальной общности. В этом смысле дворянки являлись носительницами репродуцируемых этнокультурных идентичностей, создавая вместе с тем собственный женский этос, сочетавший как антропологическое, так и социокультурное, и воспроизводивший особую женскую ментальность, на которую оказывали влияние сословные и гендерные стереотипы.

5) Значение анализа повседневного быта российских дворянок доиндустриального времени для современных этнологических исследований определяется возможностью на его основе изучить дворянскую культуру «изнутри», проследить динамику этнокультурного развития российского дворянства в зависимости не столько от внешних макроизменений в социально-экономической и идейно-политической сферах, сколько от внутренних трансформаций ментальности и этоса, по-разному проявлявшихся у представителей обоих полов, в большей степени подверженных влиянию традиционных этнокультурных факторов.

Степень научной разработанности проблемы. Современная историографическая ситуация в области исторических исследований повседневности оценивается в первой главе диссертационного исследования.

История провинциальных дворянок имперской России – недостаточно исследованная тема как в зарубежной, так и в отечественной досоветской, советской и постсоветской историографии.

В *русской дореволюционной историографии (1800-1917 гг.)* специальный вклад в изучение темы вносят в 80-х - 90-х гг. XIX в. работы Н.Д.Чечулина и В.О.Михневича, касавшиеся в некоторой степени «быта и нравов» провинциальных дворянок. Н.Д.Чечулин, отмечая, что женщины «вообще мало выступают пред нами в памятниках того времени», подчеркивал сохранение провинциальными дворянками на протяжении всего XVIII в. религиозного благочестия как определяющей черты их повседневной жизни¹¹. В.О.Михневич характеризовал помещиц в провинции как «деловитых», «энергических», «деятельных», считал несправедливым представление об их невежественности¹². В 10-е гг. XX в. особая заслуга в исследовании темы «женщин в провинции XVIII в.» принадлежала Е.Н.Щепкиной, известной феминистке, историку «женской личности в России». В 1914 г. она, в отличие от предшественников, выступила с утверждением о «сплошной безграмотности, дикой первобытности нравов», «бездеятельности»¹³ провинциальных дворянок. В исторической православной литературе начала XX в. упоминается о встречающихся в помещичьем быту

¹¹ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Исторический очерк. СПб., 1889. С. 36-37, 82-83.

¹² Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. Репринт. воспроизведение издания 1895 г. М., 1990. С. 214, 221, 224.

¹³ Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь, 2004. С. 93, 125.

XIX в. «типах» благочестивых «матерей и хозяек»¹⁴.

В *советской историографии (1917-1985 гг.)* тема повседневной жизни провинциальных дворянок имперской России оставалась неизученной и даже находящейся под идеологическим запретом. Лишь немногие ученые, например Ю.М.Лотман, в 80-е гг. XX в. упоминали понятие «провинциальный дворянский быт».

В *постсоветской историографии (1986-2009 гг.)* специальный вклад в анализ проблематики повседневной жизни и повседневного быта провинциальных дворянок вносят работы в области литературоведения Ю.М.Лотмана о символике бытового поведения русской дворянской элиты XVIII - начала XIX в., работы в области этнологии Н.Л.Пушкаревой о частной жизни и повседневном быте русских женщин X – начала XIX в. и работы в области искусствоведения Р.М.Кирсановой о русском костюме и повседневном быте XVIII-XIX вв. На изучение провинциальной (тульской) повседневности обратила внимание О.Е.Глаголева. Тверские дворянки стали предметом научного интереса В.В.Гурьяновой, А.В.Беловой. История праздничного и придворного быта дворянства XVIII в. исследована в работах О.Г.Агеевой.

Начало систематическому научному изучению русского дворянского быта положено в конце 60-х - 80-е гг. XX в. *зарубежными исследователями*. Первооткрывательницей темы «русской дворянской семьи» в ее историко-литературном освещении была J.Товгов. Немало важных результатов исследования русского дворянского быта (и женского в частности) было получено А.Кagan, F.D'Eaubonne, M.Marreze, C.Kelly. Но оценки собранного материала не могут удовлетворить современного российского «повседневноведа». Так, в 1990 г. представительница современной английской историографии И. де Мадариага заключила, что «жизнь владельца маленького имения в провинции была скучна и примитивна», а «дворянские женщины в провинции были почти поголовно необразованны»¹⁵.

Можно прийти к заключению, что на протяжении XIX-XX вв. для историков и, особенно, для этнографов провинциальные дворянки, в отличие от крестьянок, не считались социальным слоем, повседневная жизнь которого заслуживает специального научного исследования. Причины этого в разное время – привилегированный общественный статус дворянок, их принадлежность к идеологически враждебному социальному слою, наконец, «неброскость» темы, ее несенсационный характер и, вместе с тем, псевдоочевидность ее решения исходя из стереотипизированных представлений о дворянках, формируемых русской классической литературой. Главный пробел – неизученность жизненного цикла дворянских женщин, зависимости его стадий от возрастной и социальной стратификации (девочка, девица, замужняя, вдова). Без этого картина социальной истории имперской России будет не только неполной, но и этнологически не конкретной. Именно эту проблему призвано решить настоящее диссертационное исследование.

¹⁴ *Нилус С.* Великое в малом: Записки православного. Репринт. воспроизведение издания 1911 г. Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1992. С. 107.

¹⁵ *de Мадариага, И.* Екатерина Великая и ее эпоха. М., 2006. С. 295.

Источниковая база исследования. Материалами для проведения исследования стали разнотиповые и разновидовые архивные и опубликованные исторические источники:

- Источники личного происхождения, или автодокументальные (эпистолярные, мемуарные, автобиографические, дневниковые, устно-исторические);
- Источники литературного характера (прозаические, поэтические);
- Публицистика;
- Законодательные источники;
- Религиозные и религиозно-нормативные источники;
- Нарративные источники педагогического и историко-медицинского характера;
- Данные генеалогии;
- Частноправовые акты;
- Делопроизводственные документы;
- Культурологические источники (культурологические теории);
- Визуальные источники (портретные, жанровые);
- Вещественные (игрушки).

Наибольшее значение имеет женская автодокументальная традиция, представленная многочисленными письмами - архивными¹⁶ и опубликованными¹⁷, мемуарами (воспоминаниями, записками)¹⁸, дневниками - архивными¹⁹ и

¹⁶ Письма П.Л.Абаза, П.Н.Аболешевой, А.Е.Апыхтиной, А.Бакуниной, Е.В.Безобразовой, В.Бек, Е.Н.Волковой, М.Гасан, В.Горчаковой, М.И.Гусевой, П.Долгоруковой, В.А.Дьяковой, «институтки о домашнем хозяйстве», С.Капцевичевой, А.В.Кафтыревой, А.Лихаревой, В.Лихаревой, В.А.Лихаревой, Ю.Лихаревой, Е.Мазовской, В.Л.Манзей, Е.Манзей, М.Л.Манзей, С.С.Манзей, А.И.Мацкевичевой, Л.Л.Мельницкой, М.И.Мельницкой, С.И.Мельницкой, Н.Ознобишиной, К.П.Прозоровской, М.Путятиной, Е.Рачковской, Н.Л.Рыкачевой, П.Рыкачевой, Е.Самариной, М.Табалиной, Н.Философовой, А.Щекиной, М.Юшковой.

¹⁷ Письма А.Барыковой, Э.Виже-Лебрен, М.А.Волковой, А.Н.Вульф, герцогини Екатерины Ивановны, императрицы ^{Екатерины II}, А.П.Керн, Е.Б.Куракиной, М.Д.Куракиной, П.Куракиной, А.Г.Муравьевой, П.А.Осиповой, Н.Н.Пушкиной-Ланской, Н.О.Пушкиной, С.Монье, Е.Н.Ушаковой, Н.Д.Хвошинской, царевны Прасковьи Ивановны, царицы Прасковьи, В.П.Шереметевой, Е.С.Шереметевой, леди Рондо.

¹⁸ Мемуары Александры Федоровны, П.Е.Анненковой, Е.Н.Ахматовой, В.И.Бакуниной, М.А.Бекетовой, Е.Я.Березиной, М.П.Бок, Э.Виже-Лебрен, Е.Н.Водовозовой, М.Н.Волконской, В.Н.Головиной, Е.Р.Дашковой, Н.Б.Долгорукой, А.Г.Достоевской, Н.А.Дуровой, Екатерины II, С.В.Капнист-Скалон, А.П.Керн, С.В.Ковалевской, В.-Ю.Крюденер, А.Е.Лабзиной, Ю.В.Лермонтовой, С.Мадатовой, Марии Федоровны, А.Г.Маркеловой, С.В.Мещерской, Н.С.Моллер, Н.Н.Мордвиновой, Т.Г.Морозовой, М.С.Мухановой, А.Я.Панаевой, Т.П.Пассек, М.Паткуль, Г.И.Ржевской, Л.А.Ростопчиной, Е.А.Сабанеевой, Е.-А.В.Смирной, А.О.Смирновой-Россет, Е.Д.Стасовой, А.В.Стерлиговой, Н.А.Тучковой-Огаревой, А.Ф.Тютчевой, М.Фредерикс, А.А.Фукс, Е.Г.Хилковой, А.И.Цветаевой, А.Ф.Шестаковой, А.В.Щепкиной, Р.Эдлинг, А.Н.Энгельгардт, А.Яковлевой и др.

¹⁹ Дневник графини М.Ю.Толстой, урожденной княжны Оболенской. 1819-1823 г. // РГАДА. Ф. 1280. Сухотины. Оп. 1. Д. 134.

опубликованными²⁰, устными историями²¹. «Женские» голоса сопоставляются с «мужскими», запечатленными в аналогичных видах источников личного происхождения: письмах - архивных²² и опубликованных²³, мемуарах (воспоминаниях, записках)²⁴, автобиографиях²⁵, дневниках - архивных²⁶ и опубликованных²⁷, устных историях²⁸. Стремление к изучению субъективного восприятия повседневного измерения жизни российских дворянок, их собственных ощущений своего возраста, рефлексии связанных с этим, иногда конфликтующих, предписаний и самооценок – все это является основным критерием систематизации источников и выявления в них антропологического и гендерного контекста. Дифференциация нарративных источников (автодокументальных, литературных и публицистических текстов) по гендерному признаку представляется приоритетной и репрезентативной для реализации поставленных в диссертации задач.

Многие образованные и «пишущие» дворянки оставили свидетельства собственного переживания различных жизненных этапов в контексте динамики возрастной идентичности, нуждающиеся в специальном исследовании.

С целью выявления неопубликованных и не введенных в научный оборот женских писем изучены более двух десятков родовых, семейных и личных фондов, архивов и коллекций Государственного архива Тверской области: дворян Аболешевых (ф. 1022), Апыхтиных (ф. 1403), Бакуниных (ф. 1407), Глебовых-Стрешневых (ф. 866), А.В.Кафтыревой (ф. 1233), Кожиных (ф. 1222), Лихаревых (ф. 1063), Лихачевых (ф. 1221), Мальковских (ф. 1066), Манзей (ф. 1016), Озеровых (ф. 1017), Постельниковых (ф. 1230), Суворовых (ф. 1041), Голенищевых-Кутузовых, Загряжских, Квашниных-Самариных, Кутузовых, Кушелевых, Лонских, Травинных, Трубниковых и др. в фонде Тверской ученой архивной комиссии (ф. 103); рукописной коллекции «Кашинское дворянство»

²⁰ Дневники М.К.Башкирцевой, М.А.Бекетовой, А.П.Керн, В.-Ю.Крюденер, Е.А.Свербеевой, Т.Л.Сухотиной-Толстой, А.Ф.Тютчевой.

²¹ Со слов дочери Арины Родионовны, О.С.Павлищевой, Эрн.Ф.Тютчевой.

²² Письма М.Ф.Апыхтина, Ю.А.Бахметева, В.Березхиского, «брата к сестре Марье Михайловне», И.Васильева, С.И.Волкова, А.Н.Гусева, А.А.Кафтырева, Д.Крылова, А.М.Лихарева, К.Н.Манзей, Н.Л.Манзей, И.Мацкевича, «неизвестного к жене», «неизвестного к сестре Марии Лазаревне», «отца к дочери Н.И.Соймоновой», А.Путятин, А.Т.Редзикова, Е.Романовича, Е.В.Суворова, П.Юшкова.

²³ Письма Ф.Ансело, изографа Иосифа, М.В.Ломоносова, А.В.Суворова, М.А.Бакунина, Ал.Н.Вульфа, П.А.Вяземского, графа Г.Мирабо, Т.Дёлера, В.А.Жуковского, П.В.Завадовского, иеросхимонаха Льва, Н.М.Карамзина, П.П.Коновницына, П.В.Нащокина, Н.И.Павлищева, А.С.Пушкина, С.Л.Пушкина, А.К.Толстого, М.М.Щербатова.

²⁴ Мемуары Н.И.Андреева, А.Т.Болотова, А.Бенуа, П.В.Быкова, П.А.Вяземского, А.И.Георгиевского, С.Глинки, М.В.Данилова, Г.Р.Державина, М.А.Дмитриева, А.М.Достоевского, М.П.Загряжского, М.Игнатьева, Казановы де Сейнгаля, Ф.В.Корвин-Круковского, кн. М.Щербатова, П.А.Кропоткина, А. де Кюстина, А.М.Меринского, П.П.Семенова-Тян-Шанского, Сен-Симона, Д.Фонвизина, Б.Н.Чичерина, П.В.Чичагова.

²⁵ Автобиографии Д.В.Давыдова, А.С.Пушкина, А.В.Суворова.

²⁶ Запись-дневник А.М.Лихарева за 3-16 мая 1850 г. // ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137.

²⁷ Дневники А.Т.Болотова, А.Н.Вульфа, Ф. де Миранды.

²⁸ Со слов П.Парфенова.

Кашинского филиала Тверского государственного объединенного музея; десятка семейных и личных фондов Российского государственного архива древних актов: дворян Мятлевых (ф. 1271), Самариных (ф. 1277), Сухотиных (ф. 1280) и Центрального исторического архива Москвы: дворян А.З. и А.И.Апухтиных (ф. 1871), Бахметевых - Толстых (ф. 1845), Глебовых-Стрешневых (ф. 1614), В.Н. и С.Ф.Ладомирских (ф. 1327), И.М.Моторина (ф. 1749), Соймоновых (ф. 1870), А.А. и М.А.Шаховских (ф. 1887).

Принимая во внимание резко возросшее, особенно к концу XVIII в., число женских писем, в том числе и писем провинциальных дворянок, их можно считать одним из наиболее репрезентативных свидетельств в отношении периода расцвета дворянской культуры, приходящегося как раз на конец XVIII - первую половину XIX в. Часто именно женские письма преобладают в составе семейной переписки провинциального дворянства, отражая концентрировавшиеся вокруг отдельных женщин коммуникативные связи семьи.

С учетом того, что очень многие российские дворянки как столичные, так и провинциальные, участвуя в переписке, регулярно, как правило не реже двух раз в неделю в так называемые почтовые дни, оказывались с пером в руках перед листом бумаги вовлеченными в процесс создания письменных текстов, в диссертационном исследовании ставится вопрос о возможности рассматривать и интерпретировать эти тексты, реальные письма дворянок, в качестве «женского письма» как особой стилевой тенденции.

Если под «женским письмом» понимать вслед за французскими философами-феминистками Э.Сиксу и Л.Иригарэ «саморепрезентацию по так называемому женскому типу», то, что означало для российских дворянок умение писать именно «по-женски»? Являлось ли письмо для них наиболее адекватным средством самовыражения? Далеко не все дворянки могли заявить о себе в качестве авторов литературных произведений, более или менее известных широкой читающей публике, но реализовать свой «писательский талант» в повседневной жизни могла каждая из них, ежедневно участвуя в переписке с определенным кругом корреспондентов. Однако для каждой ли дворянки и всегда ли «женское письмо» было преодолением стереотипов и канонов, своеобразным «прорывом» к собственному «Я», открытым выражением своих чувств? Наконец, «писали» ли русские дворянки «себя», как призвала женщин Э.Сиксу в хрестоматийной статье «Хохот Медузы»? Отражали ли письма дворянских женщин полноту их эмоциональных переживаний и, если да, то к каким адресатам? Круг этих вопросов позволяет наметить предварительные пути к выяснению способов конструирования женских идентичностей в письмах дворянок на разных возрастных этапах.

Долгое время в историографии дворянкам не предоставлялся шанс «заговорить» своими собственными «голосами». Тексты, написанные женщинами игнорировались в качестве исторических источников, не принимались в расчет ввиду якобы малой их информативности, степень которой оценивалась исходя из количества упоминаний фактов общественно-политической значимости. Особой маргинализации подверглись женские письма, лежащие «мертвым гру-

зом» в архивных фондах, практически не востребованные исследователями, не введенные в научный оборот. Их источниковедческий потенциал не реализован, хотя они являются важнейшим историческим источником для изучения разнообразных аспектов повседневной жизни российских дворянок, а главное - антропологического ракурса женского бытия, который вообще не считался достойным анализа.

Анализ в диссертационном исследовании мемуаров более полусотни женщин, живших в разное время и принадлежавших к разным социальным, имущественным, конфессиональным слоям российского общества, связан с попыткой реконструировать весьма многоликий «парад» идентичностей, выявить особенности восприятия возраста с учетом влияния разнообразных факторов. При этом важным методологическим нюансом является учет присущей мемуаристкам своего рода неявной установки на публичность записанного. Даже в случаях, когда они прямо заявляли о своем нежелании делать написанное достоянием гласности (а это является чуть ли не канонической чертой большинства женских автодокументальных текстов), вспоминая, «прокручивая» в памяти, «переживая» заново и фиксируя на бумаге пережитые опыты, прежние ощущения и восприятия (часто травматичные), они как бы переконструировали прожитую жизнь и самих себя, моделировали собственную идентичность в глазах читателя (или хотя бы авточитателя), тем самым стремились к преодолению наиболее болезненных и наименее выигрышных переживаний и оценок.

Кроме широкого круга автодокументальных источников в диссертации анализируются литературные тексты (женская²⁹ и мужская³⁰ проза, женские переводы³¹, женская³² и мужская³³ поэзия), в том числе неопубликованные, публицистика женская³⁴ и мужская³⁵, нормативные документы светского и религиозного характера, материалы делопроизводства, данные генеалогии. Среди литературных произведений наибольшее значение для изучения особенностей женского самовыражения имеют продукты поэтического творчества дворянок, как оригинального, так и переводческого. Неопубликованная женская дворян-

²⁹ Проза А.М.Дараган, Е.Р.Дашковой, А.Зонтаг, Н.А.Дуровой, А.О.Ишимовой, Е.Масаловой, С.Н.Павловой, Е.М.Фроловой-Багреевой, А.А.Фукс, Г.Щербаковой.

³⁰ Проза С.Т.Аксакова, А.И.Герцена, И.А.Гончарова, А.С.Грибоедова, Д.Григоровича, В.Гюго, Ф.М.Достоевского, Н.М.Карамзина, А.Погорельского, Н.Г.Помяловского, А.С.Пушкина, О.И.Сенковского, Б. де Сен-Пьера, И.С.Тургенева, Ж.-Ж.Руссо.

³¹ Переводы Ал.Л.Магницкой, Ан.Л.Магницкой.

³² Поэзия А.П.Барыковой, М.Б.Даргомьжской, Е.Р.Дашковой, А.С.Жуковой, В.А.Карауловой, Ан.Л.Магницкой, Е.С.Урусовой, неизвестных поэтесс XVIII века.

³³ Поэзия А.М.Бакунина, К.Н.Батюшкова, А.А.Бестужева (Марлинского), И.Ф.Богдановича, Г.Р.Державина, А.С.Пушкина, В.Л.Пушкина, А.П.Сумарокова, А.К.Толстого, А.А.Фета, В.С.Филимонова, неизвестных авторов XIX века.

³⁴ Статьи Е.П.Свешниковой, М.К.Цебриковой.

³⁵ Трактаты Филиппа Новарского, кн. М.М.Щербатова, статьи А.С.Гиероглифова, А.Дмоховского, Ю.Г.Жуковского, Н.А.Котляревского, Д.И.Мацкевича, М.Л.Михайлова, Н.И.Пирогова.

ская поэзия в виде тетрадей со стихами уездных барышень³⁶ позволяет не только понять их ценностные ориентации и субъективные устремления, но и проанализировать мир повседневности усадебного детства, проникнуть в сложные хитросплетения межпоколенных взаимоотношений в провинциальной дворянской семье.

В исследовании ряда сюжетов, посвященных детскому возрасту, велика информативность визуальных (портретная и жанровая живопись XVIII-XIX вв.) и вещественных (игрушки) источников, относящихся к иным типам исторических источников, среди которых, помимо опубликованных репродукций, привлекаются материалы экспозиции Государственного учреждения «Художественно-педагогического музея игрушки Российской Академии образования».

Для изучения многих вопросов свадебной и родинной обрядности, наряду с автодокументальной традицией, большое значение имеют содержащиеся в составе архивных фондов личного происхождения так называемые личные документы и общеродовые (генеалогические и имущественно-хозяйственные) документы. К числу личных документов относятся свидетельства о дворянском происхождении, об институтском образовании, о браке женщины-дворянки, о рождении и крещении ее детей, паспорта о служебном и семейном положении ее мужа, патенты на чины мужа. Генеалогические материалы представлены родословными и поколенными росписями родов, грамотами о внесении родов в дворянскую родословную книгу губернии, определениями дворянского депутатского собрания о причислении дворянки и ее детей к роду их мужа и отца. Имущественно-хозяйственные документы в фондах личного происхождения включают такие виды исторических источников, как частноправовые акты, оформлявшие договоры мены (акты о «промене землями», о «полюбовном размене земель», «межевая сказка»), купли-продажи («договор о купле и продаже движимости», купчие на «движимое и недвижимое имение», на «крестьян»), найма имущества («условие» о «выставлении» лошадей), личного найма («условие» о найме управляющего), займа («условие домово́й конторе наследниц», заемные письма), представительства (верющие письма), и делопроизводственные материалы. В диссертации исследуются брачные обязательства (приданные росписи, сговорные) и обязательства «в платеже государственных податей», в «каждогодном» исполнении работ, акты удостоверения «в действительности владения имением», духовные завещания. По некоторым из перечисленных актов можно судить не только о важнейших имущественно-правовых и социально-экономических аспектах повседневной жизни женщин-дворянок, но и об их грамотности, моральных качествах, религиозности, ценностных приоритетах. Среди делопроизводственных материалов выделяются документы государственных центральных и местных учреждений (донесения, сообщения, определения, уведомления), касавшиеся частных (имущественных, образовательных, религиозных) интересов того или иного лица, а также подававшиеся в различные

³⁶ *Неизвестная из рода Квашиных-Самариных*. Тетрадь со стихами: Пасхальная ночь в Суховарове // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 939; Стихотворения Л.И.Суворовой // ГАТО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 66.

учреждения прошения дворянок и дворян по имущественным и юридическим вопросам.

Помимо архивных фондов личного происхождения изучены делопроизводственные материалы, затрагивающие различные стороны (воспитательную, образовательную, имущественную, правовую, бытовую, репродуктивную и др.) женской повседневности, в фондах учреждений Центрального исторического архива Москвы: Московского Воспитательного дома (ф. 108), Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии (ф. 127) и Государственного архива Тверской области: Канцелярии тверского губернского предводителя дворянства (ф. 59), Тверской ученой архивной комиссии (ф. 103), Тверского наместнического правления (ф. 466), Тверского дворянского депутатского собрания (ф. 645), Бежецкого нижнего земского суда (ф. 695), Ржевского нижнего земского суда (ф. 704).

Нормативные предписания в отношении социальной, имущественной, воспитательной, образовательной, этикетной сторон женской дворянской повседневности зафиксированы в законодательных источниках, из числа которых исследуются имеющее особое значение для последующей правовой традиции Соборное Уложение 1649 г., в первом издании Полного собрания законов Российской империи Указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах от 23 марта 1714 г.³⁷, Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однакож воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г.³⁸, Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества от 12 марта 1764 г.³⁹, Именной указ «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре; с приложением Устава и штата сего Воспитательного Общества» от 5 мая 1764 г.⁴⁰, Грамота на права, вольности и преимущества благороднаго российского дворянства от 21 апреля 1785 г.⁴¹, Манифест Екатерины II о правилах поведения дворянства, военных и других сословий от 21 апреля 1787 г.⁴², Истолкование Сенатом закона о выкупе имений, продаваемых от родственников родственникам от 30 апреля 1815 г.⁴³

В качестве особого вида источников для анализа исторических смыслов концепта «повседневность» исследуются так называемые культурологические источники - культурологические теории Р.Барта, А.Белого, А.Бергсона, Ж.-Ф.Лиотара, Э.Мунье, В.В.Розанова, М.Хайдеггера, Й.Хейзинги, Ж.-П.Гарнье.

При комплексном анализе источников разных типов и видов - автодокументальных (эпистолярных, мемуарных, автобиографических, дневниковых, устно-исторических), литературных (прозаических, поэтических), публицисти-

³⁷ ПСЗ. 1. Т. V. № 2789.

³⁸ ПСЗ. 1. Т. VI. № 3890.

³⁹ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12103.

⁴⁰ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154.

⁴¹ ПСЗ. 1. Т. XXII. № 16187.

⁴² ГАТО. Ф. 466. Оп. 4. Д. 35. Л. 1-6.

⁴³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2255. Л. 1-8 об.

ческих, законодательных, религиозных и религиозно-нормативных, визуальных (портретных, жанровых), вещественных, нарративных педагогического и историко-медицинского характера, генеалогических, актовых, делопроизводственных, культурологических - наибольшую научную значимость для исследования проблем диссертации имеют исторические источники личного происхождения и литературные произведения, поскольку именно в них находят отражение многие важные аспекты повседневной жизни и менталитета дворянок, их субъективные мировосприятия, переживания антропологических статусов и возрастных идентичностей. Ввиду того, что значительная часть используемых в диссертации источников как личного, так и официального происхождения не опубликована и, по существу, впервые вводится в научный оборот, все архивные документы цитируются в интересах научного исследования с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Цитаты из некоторых опубликованных источников, в частности, находящихся в составе ПСЗ, также приводятся в аутентичном варианте. Цитаты из анализируемых писем, написанных на французском языке, сопровождаются переводом на русский язык, сделанным автором диссертации.

Научная и практическая значимость диссертации. Диссертационное исследование вводит в научный оборот широкий круг неизученных в историографии автодокументальных источников. Результаты исследования имеют прикладное значение для этнологии и антропологии сословий, истории и культуры повседневности и могут быть использованы в практике вузовского преподавания этнологии, культурной антропологии, истории России, истории российской и мировой культуры, а также специальных курсов по истории российской повседневности, по женским и гендерным исследованиям в этнологии, по этнологии семьи. Настоящая диссертация может иметь основополагающее значение как для последующих научных разработок, подготовки обобщающих трудов по истории российских женщин и истории дворянской повседневности, так и для написания учебных пособий по возрастной антропологии российского дворянства. Исторический опыт возрастной идентификации дворянок может найти практическое применение в разработке современных моделей социализации личности в рамках женских и кризисных центров, системы дополнительного образования.

Апробация исследования. Результаты исследования апробированы в публикациях автора 1998-2009 гг. общим объемом более 68 п.л. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в авторской монографии «Четыре возраста женщины: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в.» (СПб.: Алетейя, 2009), в 12 публикациях автора в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ (в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, редакция апрель 2008 г.) и 40 научных публикациях в зарубежных (Великобритания, Германия, Белоруссия), российских центральных (Москва, Санкт-Петербург) и региональных (Тверь, Иваново, Тамбов, Саранск) научных изданиях. Изданная в Великобри-

тании статья на английском языке получила высокую оценку профессора истории Университета Нью-Гэмпшира (США) Кэти Фрирсон (Cathy Frierson). 2 статьи автора помещены на учебном CD-диске «Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века: CD-Rom / Сост. Т.А.Клименкова, Е.И.Трофимова, Т.Г.Тройнова (© Женская Информационная Сеть; Клименкова Т.А., Трофимова Е.И., Тройнова Т.Г.; ООО «Мощные Компьютерные Технологии» при поддержке Канадского Фонда поддержки российских женщин)» (М., 2002). По теме диссертационного исследования опубликованы 2 учебно-методических издания. Работы автора диссертации упоминаются и цитируются в авторефератах, библиографиях и монографиях по истории женщин и женского образования.

Отдельные положения диссертации излагались автором в 1993-2009 гг. в докладах на 36 научных конференциях и мероприятиях, из которых 22 – международных, посвященных самым разнообразным проблемам этнологии, истории повседневности, женской и гендерной истории, исторической культурологии, теории и истории культуры, городоведения, фамилистики, источниковедения, литературоведения, междисциплинарного осмысления национальной идентичности. Из них главные выводы, отражающие сущность работы, были обсуждены в докладах на следующих конференциях и семинарах: Научно-практическая конференция «Краеведческие чтения» (Тверь, 1993, 1997, 1998); Совещание-семинар архивных работников Тверской области (Тверь, 1994); Международная научная конференция «Российские женщины и европейская культура» (С.-Петербург, 2001); Международная научная конференция «Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики» (Тверь, 2002); XIV научная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ в честь Сигурда Оттовича Шмидта «Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания» (Москва, 2002); Международная научно-практическая конференция «Города европейской России конца XV – первой половины XIX в.» (Тверь, 2002); Международная научная конференция «"Отец Рейн и Волга-матушка..." Локальные, национальные и гендерные аспекты дискурса об идентичности в Германии и России» (Фрайбург (Германия), 2002); Международная научно-практическая конференция «"Другая" литература: женская проза в русском литературном каноне XIX века» (Тверь, 2002); Заключительная конференция в рамках проекта «Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание базовых социально-гуманитарных дисциплин высшей школы» «Пол и гендер в науках о человеке и обществе» (Тверь, 2003); Международная научно-практическая конференция «"Женское письмо" в дискурсах русской культуры XIX века» (Тверь, 2003); Международный научный семинар, организованный Финской Академией наук и Тверским государственным университетом, «Гендер по-русски: преграды и пределы» (Тверь, 2004); Региональная научная конференция «Род и семья в контексте тверской истории» (Тверь, 2005); Всероссийская (с международным участием) научная конференция молодых исследователей, посвященная 35-летию Тверского государ-

ственного университета «Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты» (Тверь, 2006); Мастер-класс для преподавателей и студентов кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета ««В куклы я никогда не играла...»: Детские игрушки и «мир женского детства» в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.» (Тверь, 2007); Международная научная конференция «Гендерные дискурсы и национальная идентичность в России: вторая половина XIX-го столетия - Серебряный век» (Тюмень и Тобольск, 2009); Ежегодная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) «Женская и гендерная история Отечества X-XXI вв.: новые проблемы и перспективы» (Петрозаводск, 2009). Трижды (в 2002 и 2004 гг.) результаты диссертационного исследования апробировались в докладах в Германии в рамках различных научных мероприятий Славянского семинара Университета им. Альберта-Людвига г. Фрайбурга (международной научной конференции, научного коллоквиума, гостевого доклада). Ряд основополагающих положений диссертации обсуждался на VI (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.) и VII (Саранск, 9-14 июля 2007) Конгрессах этнографов и антропологов России.

Некоторые сюжеты и результаты диссертации задействованы при чтении автором лекционных курсов и проведении семинаров в 1993-2009 гг. в Тверском государственном университете (специальный курс лекций «Гендерные исследования в исторических науках: становление, подходы, перспективы», специальный семинар «Женщина в истории мировой культуры», специальный курс лекций для студентов магистратуры «Историческая культурология») и в 2001-2007 гг. в Филиале РГГУ в г. Твери (курсы лекций «История мировой культуры», «Источниковедение истории культуры», «Культурная антропология», «История культуры повседневности России»).

Положения диссертации были поддержаны Германской службой академических обменов (DAAD) в рамках программы «Научные стажировки для ученых и преподавателей вузов».

Результаты исследования нашли применение в реализации (при участии автора в составе группы исполнителей) ряда научных проектов: научно-методологического проекта Министерства образования РФ «Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание базовых социально-гуманитарных дисциплин высшей школы» (руководитель - к.и.н., доц. В.И.Успенская), а также получившего поддержку в виде гранта (№ 05-01-57105а/Ц) Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Тверской области проекта «Провинциальная дворянская и чиновничья семья в XIX – начале XX века» (руководитель - к.и.н., доц. Т.И.Любина), Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» 2006-2008 в рамках проекта «Механизмы формирования русских культурных традиций: гендерный аспект» (руководитель - в.н.с. ИЭА РАН, д.и.н., проф. Н.Л.Пушкарева), Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» 2009-2011 в рамках

проекта «Российская повседневность за десять веков в зеркале гендерных отношений: тенденции, динамика, перспективы изменений» (руководитель - заведомом этногендерных исследований ИЭА РАН, д.и.н., проф. Н.Л.Пушкарева).

Диссертация была обсуждена на совместном заседании Отдела этногендерных исследований и Отдела русских Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН и рекомендована к защите.

Структура работы. Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными задачами: в решающей мере, необходимостью проанализировать повседневные практики в контексте принятых возрастных градаций и сопряженных с ними устойчивых представлений женщин о возрасте в российской дворянской культуре, выяснить, какое значение дворянки придавали каждому возрастному этапу жизненного цикла, и, каково было женское восприятие возрастных идентичностей в периоды наиболее часто выделяемых «четырёх возрастов»: детства, юности, зрелости, старости. Ретроспективное обращение провинциальных дворянок «к воспоминаниям» о прожитой жизни и различие в ней четырех возрастных этапов позволяет считать данную структуру «возрастов» женской повседневности более репрезентативной, чем реже встречавшееся трехчастное деление жизненного цикла.

Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списков источников (опубликованных и архивных фондов) и литературы на русском, немецком, английском и французском языках, списка сокращений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи исследования; проанализированы методология и методы работы; раскрыта научная новизна диссертации; охарактеризована степень научной разработанности проблемы и источниковая база исследования; выявлена научная и практическая значимость диссертации; приведены сведения об апробации результатов диссертационного исследования, обоснована структура работы.

В первой главе – «Методологические аспекты истории женской повседневности. «Женская повседневность» в контексте истории повседневности: гендерная чувствительность новой социальной истории» – анализируется проблема легитимации новых направлений - истории повседневности и истории женской повседневности – в современной российской историографии, выявляются причины сложностей их институционализации. Показана корреляция постановки вопроса о женской повседневности с методологической установкой на антропологически ориентированную историю и гендерной методологией. В первой главе проблематизируется концепт «женская повседневность» через уточнение предмета, задач и подходов истории повседневности как одного из направлений в историографии последней трети XX в., проясняется понятие «повседневность» и его влияние на статус дисциплины, определяются пер-

спективы изучения женской повседневности для проекта антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории.

В первом параграфе первой главы (1.1.) – «История повседневности» и ее интерес к женскому социальному опыту. Источники по истории женской повседневности» – представлены основные подходы и достижения западной историографии «истории повседневности», акцентируются различия методологических установок данного направления в национальных историографиях Австрии и Германии, США и Англии, выявлены параллели в процессах формирования новых историографических направлений - истории повседневности и истории женщин. Делается вывод о том, что проблематизация женской повседневности стала предметом сближения этнологии не только с женскими и гендерными исследованиями, но и с историей повседневности.

Тема взаимосвязи истории повседневности с женскими и гендерными исследованиями нашла особое решение в работах женщин - историков и этнографов, - представительниц немецкой (С.Lipp) и английской (А.Davin) историографий. В них показано, что женские и гендерные исследования часто относят к исследованиям повседневности ввиду сближения понятий «повседневность» и «жизненное пространство женщины». Поэтому именно в женских исследованиях с их «микроскопическим взглядом» возникло большое число работ под заглавием «женская повседневность», посвященных жизненным опытам, переживаниям и отношениям женщин разных народов, культур, социальных слоев и статусов. Начавшееся в 60-е гг. XX в. развитие этнографических женских исследований было также очень сильно инспирировано дискуссиями женщин-историков и культурно-антропологическими начинаниями феминисток.

Впервые в отечественной историографии ставится вопрос об историческом содержании понятия «повседневность» в новоевропейской и русской культурах и утверждается, что он носит принципиальный характер ввиду связи даже не столько с необходимостью уточнения предмета истории повседневности, сколько с определением статуса данного направления в историографии. Закрепившись в новоевропейском сознании как оценочное понятие, оно парадоксальным образом стало преградой на пути утверждения одноименной истории. По мнению автора диссертации, важно определить приписываемые ему культурные смыслы, по большей части негативные, и «очистить» от оценочности. Исходя из анализа теорий повседневной жизни и повседневности от культуры романтизма до постмодернистской культуры установлено, что интерес к историческому изучению повседневности, явственно проявившийся в последней трети XX в., возник не внезапно, а был подготовлен на протяжении всего столетия рядом идей и положений философии жизни и концепции игровой культуры, феноменологии и экзистенциализма, постмодернизма и связанных с ним «культурных исследований». В трактовках философов и культурологов, для которых «повседневность» была аналитической и одновременно оценочной категорией, в ее восприятии различимы как минимум *два подхода*: 1) повседневность как непрерывность, сплошная среда, континуум и 2) повседневность как сфера жизни или условная совокупность нескольких разрозненных сфер. Для

историка повседневности первый подход, безусловно, является более продуктивным, поскольку позволяет увидеть в повседневности особое измерение человеческой жизни, многомерное «длящееся» пространство жизненных практик и восприятий. Отождествление же повседневности с одной из конкретных сфер жизни, в соответствии с другим подходом, таит в себе опасность сужения предмета исследования вплоть до сведения его к анализу исключительно бытовых аспектов культуры.

Анализируя историческое содержание терминов - вариантов современного слова «повседневный», - бытовавших в русском языке XI-XVII вв.: *повседенный/повсѣдньный* (ежедневный, повседневный), *повседневный/повсяддневный* (ежедневный; обычный, повседневный, будничный, не праздничный), *повсякоденный* (ежедневный; постоянный), автор приходит к выводу о том, что буквальное содержание термина «повседневный», связанное происхождением с богослужебной практикой, служило для обозначения временных промежутков между церковными праздниками в составе седмичного и годичного кругов богослужения и потому было не оценочным, а функциональным. Этимология слова «повседневный/повсяддневный», идущая от выражению «*по вся дни*», свидетельствует о том, что речь шла о чем-то происходившем или случившемся «во все дни, кроме праздничных». Аналогичное значение слов «повседневность», «повседневный», «будни» именно как «вседневность», «вседневный», «все дни», звучит и в немецком языке: *die Alltäglichkeit, alltäglich, der Alltag*. Негативные ценностные коннотации, привнесенные позднее просветительским проектом в восприятие повседневного, были следствием и одним из проявлений «встроенных» в него оппозиций «высокого»/«низкого», «выдающегося»/«заурядного», «гениального/посредственного». В XIX в. слово «повседневный» продолжало выполнять функцию «каталогизации», дифференцируя непраздничную часть календарной недели или календарного года. Имеющее наибольший негативный резонанс определение «обыденный» восходит к слову «*обы'денки*», т.е. «*сутки, день и ночь*» (В.И.Даль), и вместо современного значения «обыкновенный, заурядный» (С.И.Ожегов) в XIX в. обозначало «*однодневный, одноденный, суточный, об один день сделанный, одни сутки длящийся*» (В.И.Даль). Этимологически «обыденность» относилась не к качеству, а к продолжительности. В диссертации утверждается, что по своему исходному смыслу слова «повседневный» и «обыденный» выражали не сниженную оценку качества жизни, а конкретную временную длительность, определенную часть недели и года. Причем, в немецком (*alltäglich*), французском (*quotidien, -ne*), английском (*everyday*) языках слова «обыденный», отличного от «повседневный», не существует - это значения одного и того же слова.

В диссертации предпринята теоретическая разработка понятий «повседневность» и «женская повседневность» и предложено авторское определение «повседневности» и объяснение феномена женской повседневности.

По мнению автора диссертации, *повседневность* – это *жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное - переживаний, реализующих субъективность*. Понимание быта как общего жизненного

уклада указывает на сочетание его с повседневностью. Однако, в отличие от повседневности, быт включает в себя объективированные материальную и духовную (обряды, ритуалы, праздники, фольклор) стороны жизни людей, реализуемые в культуре одежды, жилища, питания и связанных с ней стандартных форм поведения, отношение к которым сложилось традиционно и не является предметом субъективного человеческого опыта, переживания и осмысления, то есть неререфлексируемые стили жизни. Не случайно история повседневности, в отличие от прочих направлений и методологических подходов, – именно «*нерезжитая*» история. Повседневность имеет формальную длительность, определяемую суточным, годичным, жизненным циклами индивида. Вместе с тем время повседневности – это субъективное время, дифференцируемое собственными вехами в зависимости от значимости того или иного индивидуального переживания и последующего воспоминания о нем. Эти вехи – структурообразующие ретроспективы повседневности – результат умножения определенного субъективного опыта на поле культурных смыслов. При этом континуум повседневности обеспечивает своеобразное вневременное тождество идентичности, исходя из понимания «<Эго, или Я, которое> постоянно сопровождается сознанием того, что оно идентично самому себе: как бы явно ни видел человек собственные телесные, духовные и душевные изменения, он знает, что все-таки «по сути» (т.е. в самой сердцевине Я) он всегда остается тем же»⁴⁴.

Объяснение феномена женской повседневности не исчерпывается простой применимостью изложенного выше определения к субъектам-женщинам. Речь идет о *качественной специфике* именно женских опытов и переживаний, жизненных практик и восприятий, поведенческих стратегий и отношений. Под *женской повседневностью* (в немецкой историографии *Frauenalltag*) понимаются *способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализованного женского опыта* (как отрефлексированного, так и ментального, вербального и телесного, эмоционального, культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и др.). Даже в рамках таких значимых в этнологическом и социологическом дискурсах институтов, как например, родство, брак, семья и др., собственно женский опыт отличался разнообразием реакций, часто выходил за рамки предписываемых практик и «нормативных» поведенческих стратегий. «*Неинституционализованный опыт*» только и был специфически женским ввиду того, что опыт женщин в рамках того или иного социального института, конституируемого мужчинами, в чистом виде таковым не являлся. Институциональный женский опыт включался и адаптировался «мужскими» институтами. Причем, адаптация через унификацию, а не через плюральность – принадлежность мужского опыта. Опыт женского – это опыт плюрального, неуловимого в прямом и символическом смыслах, нефиксируемого или с трудом фиксируемого мужчинами (применительно к вербальному дискурсу и «женскому письму» данный аспект разрабатывается феминистской литературной критикой).

В данном параграфе выявлен комплекс источников по истории женской

⁴⁴ Philosophisches Wörterbuch. Neu bearbeitet von G. Schischkoff. Stuttgart, 1991. S. 319.

повседневности, по-разному именуемых в национальных историографиях: «субъективные источники» (*subjektive Quellen*) в немецкой истории повседневности, «частные источники» во французской традиции, «источники личного происхождения» в российской. Показано, что к источникам по истории повседневности относятся наряду с письмами, дневниковыми записями, автобиографическими текстами, мемуарами, частными альбомами и журналами, книгами домашних расходов, и предметы обихода, и визуальные свидетельства, такие как частные семейные фотографии, и интервью-воспоминания, позволяющие выявить плюральность культур и жизненных укладов, сделать акцент на различиях ценностных ориентаций и мотиваций человеческих действий, отказаться от монолитной картины мира, якобы присущей людям разного пола, находящимся на разных уровнях властных иерархий.

Исходя из специфики источников, устанавливаются *отличия женской повседневности от мужской*. В «мужских» воспоминаниях, записках, автобиографиях нередко доминировали конструкты мужественности, ориентировавшие мужчин на табуирование описаний собственных переживаний, внутренних эмоциональных опытов, избегание в текстах подробностей того, что происходило с ними изо дня в день в пределах частного пространства жизни и не добавляло им, в их собственных глазах, большей значимости с точки зрения публичной репрезентации.

В женских письмах реже, чем в мужских, содержатся упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще - описания повседневных реалий и личных переживаний. Вместе с тем в источниковедении долгое время преобладал утилитарный подход к источникам личного происхождения, в том числе к частной переписке, исключительно с точки зрения извлечения конкретных исторических фактов. Именно поэтому письма женщин занимают маргинальную позицию в иерархии исторических источников, основанной на критерии узко понимаемой документальности и «мнимой объективности» (термин Г.-Ф.Будде). Наглядным подтверждением служит неостребованность женских писем как источника и в центральных, и в региональных архивах (например, в РГАДА, ЦИАМ, ГАТО). Акцент в мужских письмах почти всегда делается на описании *очевиднособытийного*, причем эта внешняя по отношению к мужчине как к субъекту событийность практически никогда не связана с внутренним миром его собственной эмоциональности. В мужском дискурсе запечатлеваются некие условно общезначимые, с точки зрения этого дискурса, факты и события, характеризующие *мир вокруг мужского субъекта*. Письма мужчин либо отражают уже существующую включенность их в иерархию, либо как раз выстраивают такую иерархию. В мужских письмах прочитывается субординированность по отношению к адресату вне зависимости от пола последнего. Для женщин же характерно и, следовательно, более значимо *установление горизонтальных связей*, создание «сети отношений» (термин К.Гиллиган), *вместо акцентирования властной вертикали*. Искренняя привязанность предпочитается ими маркированию статусов. Для женщины написание писем - постоянно возобновляющееся переживание

собственной субъективности, для мужчины, как правило, вынужденная необходимость передачи конкретной информации или поиска защиты, протекции, покровительства.

Во втором параграфе первой главы (1.2.) – «Женская повседневность» в современном российском научном дискурсе» – предпринят анализ основных аспектов изучения истории женской повседневности в современной российской историографии, определено значение этого научного направления в современном историко-этнологическом и культурологическом знании, выяснены причины незавершенности процесса институционализации истории повседневности как одного из направлений в российской исторической науке. Согласно выводам автора, проблематизация женской повседневности позволяет сделать объектами историко-этнологического изучения те культуры, которые никогда не маркировались как традиционные, и, следовательно, не привлекали внимания этнологов (например, дворянская), а историками воспринимались как преимущественно «мужские», описываемые в терминах государственной службы. При этом аналитический подход к женской повседневности позволяет реализовать новое качество исторического и этнологического исследования, поскольку история повседневности, будучи «пережитой» историей, – это «история изнутри».

Наметившийся еще в 1980-е гг. своеобразный «прорыв» к «истории повседневности» на материале российских исторических реалий был совершен не собственно историками-русистами, как можно было бы ожидать – именно по причине большего давления на них идеологических схем, а специалистами в области литературоведения (работы Ю.М.Лотмана⁴⁵ о символике бытового поведения русской дворянской элиты XVIII – начала XIX в.), в области этнологии (работы Н.Л.Пушкаревой⁴⁶ о частной жизни и повседневном быте русских женщин X – начала XIX в.) и искусствоведения (работы Р.М.Кирсановой⁴⁷ о русском костюме и повседневном быте XVIII-XIX вв.). Самостоятельность и нестандартность их исследовательских подходов по отношению к западным концепциям доказывается тем, что к анализу проблематики повседневной жиз-

⁴⁵ Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособ. для учителя. Л., 1980; *Он же*. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М., 1988; *Он же*. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

⁴⁶ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; *Она же*. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; *Она же*. «Живя и тружась в подвлияние околным людям» (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X-XVII вв.) // Женщина в российском обществе. 1996. № 2. С. 18-27; *Она же*. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.

⁴⁷ Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989; *Она же*. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв.: Опыт энциклопедии / Под ред. Т.Г.Морозовой, В.Д.Синюкова. М., 1995; *Она же*. Офранцузенный сарафан: Как Екатерина Великая пыталась скроить европейское платье на русский манер // Родина. 1997. № 7. С. 33-37; *Она же*. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. Калининград, 2001; *Она же*. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. М., 2002.

ни и повседневного быта эти ученые пришли разными путями, занимаясь изысканиями в различных, формально не связанных между собой дисциплинах. Однако всех их объединяет, и это особенно важно, своеобразная «пограничность» исследований. В работах Лотмана, основателя тартуско-московской школы семиотики, – это грань литературоведения и семиотики (уточню, что последняя дисциплина развивалась усилиями гуманитариев-нонконформистов), у Пушкаревой – грань этнологии и истории женщин (дисциплины, которая в России 80-х – первой половины 90-х гг. XX в. не была признанной), у Кирсановой – искусствоведения и истории моды (дисциплины, также не относимой в советской историографии к разряду приоритетных). Такая ситуация лишь подтверждает, что проблематика истории повседневности может быть выявлена с наибольшей очевидностью на стыке научных направлений и изначально может характеризоваться как междисциплинарная. Более того, ее трудно интерпретировать без привлечения методов и подходов, познавательных возможностей и стратегий разных направлений гуманитарного знания. Также обращает на себя внимание и то, что все три вышеназванных автора с разных позиций занимались изучением реалий именно дворянской, в том числе и женской, повседневности.

В современных исследованиях по истории русской повседневности нельзя не заметить определенной асимметрии, которая проявляется в следующем. *Во-первых*, в отсутствии полномасштабных комплексных исследований повседневных практик и «структур повседневности» представительниц и представителей тех или иных групп или слоев общества в разные периоды истории на фоне большого числа исследований, посвященных отдельным частным аспектам и проявлениям «повседневности». Исключение в этой связи представляет изучение Н.Л.Пушкаревой повседневной жизни русских женщин допетровского времени. В XVIII в. социокультурная ситуация в России усложняется, и каждая социальная страта нуждается в специальной реконструкции собственного, как правило, внутренне дифференцированного, повседневного опыта, «прочитанного» в гендерном аспекте. *Второе* проявление вышеупомянутой асимметрии видится в недостаточной теоретической оснащенности российских исследований, в которые до сих пор слабо интегрированы западные концепты «истории повседневности» и широкой известностью пользуются в основном лишь некоторые из них - а именно трактовки Ф.Броделя, Ж.Ле Гоффа, Й.Хейзинги. При этом существует круг прикладных изысканий, не маркируемых как исследования по «истории повседневности», но, несомненно, относящихся именно к этой предметной области. В большинстве случаев – это эссе, которые именуются «очерками быта» - литературного, театрального, усадебного (В.Э.Вацуро, М.В.Короткова, Н.Марченко, Ю.С.Рябцев, К.А.Соловьев, Л.М.Старикова, Н.И.Яковкина)⁴⁸. В рамках таких, не связанных с определенными теоретиче-

⁴⁸ Вацуро В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989; Короткова М.В. Традиции русского быта. М., 2008; Марченко Н. Приметы милой старины: Нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2001; Рябцев Ю.С. Путешествие в историю старой русской жизни. М., 2006; Соловьев К.А. «Во вкусе умной старины...»: Усадебный быт российского дво-

скими построениями, исследований, как правило, воссоздаются реалии повседневности дворянских женщин, по большей части столичных, чем провинциальных.

Изучение повседневной жизни провинциальных дворянок, казалось бы, должно было заинтересовать, в первую очередь, представителей исторического краеведения. Однако как раз среди них, в особенности среди внеакадемического научного сообщества, «история повседневности» остается до конца не признанной, не «легитимизированной» дисциплиной.

В контексте анализируемых достижений и недостатков формирования российской истории повседневности автор диссертации обращает специальное внимание на складывание междисциплинарной области (на стыке исторических, гендерных, этнологических штудий) прикладных исследований женской повседневности⁴⁹. Изучение повседневной жизни представительниц разных слоев общества служит одной из опор для проекта антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории России. Тем не менее сама по себе

рянства II половины XVIII – I половины XIX веков: По воспоминаниям, письмам и дневникам: Очерки. СПб., 1998; *Старикова Л.М.* Театральная жизнь старинной Москвы: Эпоха. Быт. Нравы. М., 1988; *Яковкина Н.И.* Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб., 2002.

⁴⁹ См., напр.: *Белова А.В.* Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5-14; *Она же.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // ЭО. 2006. № 4. С. 85-97; *Она же.* Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.К.Чистов. СПб., 2005. С. 284-285; *Она же.* Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л.Пушкаревой. М., 2003. С. 269-284; *Она же.* Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А.Хасбулатова. Иваново, 2004. № 1/2 (30-31). С. 72-82; *Градскова Ю.* «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999; *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений: Трудовые будни. М., 2003; Женская повседневность в России в XVIII-XX вв.: Мат-лы междунар. научн. конф. 25 сентября 2003 г. / Отв. ред. П.П.Щербинин. Тамбов, 2003; *Журавлева Н.Н.* Повседневная жизнь женской школы Западной Сибири на рубеже XIX-XX в. // Города Сибири XVII - начала XX в. Вып. 2. История повседневности: Сб. научн. ст. / Под ред. В.А.Скубневского, Ю.М.Гончарова. Барнаул, 2004; *Котлова Т.Б.* Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX-XX вв. 1890-1914: На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2003; *Она же.* Социокультурная среда в российском провинциальном городе в конце XIX – начале XX века: гендерный аспект. Иваново, 2001; *Леонтьева Т.Г.* Женский фактор в жизни православного прихода (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 193-209; *Цыбулькинова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII - середине XIX в.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени: Авт. дисс. ... к.и.н. Армавир, 2004; *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII - начале XX в. Тамбов, 2004; *Она же.* О чем плакала солдатка? (Повседневная жизнь солдатских жен в XVIII - начале XX в.) // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 113-140 и др.

проблематизация женской повседневности не «снимает» основного противоречия историографической ситуации последних лет. Это противоречие связано, прежде всего, с необходимостью качественного переосмысления исследовательской мотивации и с недооценкой на уровне ряда прикладных исследований провозглашаемого европейскими методологами видения в истории повседневности «разновидности изменения парадигмы».

В контексте вывода о незавершенности институционализации истории повседневности как самостоятельного направления в современной российской историографии намечены наиболее желательные перспективы ее развития: 1) окончательная легитимизация в пространстве исторического знания, 2) преодоление изолированности теоретических концептов и прикладных исследований, 3) институционализация истории повседневности как учебной дисциплины в системе университетского исторического образования, 4) признание за историей повседневности потенциала эффективной познавательной стратегии, реализующей возможность не только нового написания, но и толкования социальной истории, причем истории по определению гендерно чувствительной.

Исходя из анализа современной историографической ситуации подчеркивается, что проблемное поле исследований по истории повседневности русского дворянства лучше других насыщено работами концептуального характера. Тем не менее историко-этнологические и антропологические аспекты повседневной жизни провинциальных дворянок представляют серьезную исследовательскую проблему и нуждаются в специальной интерпретации. В связи с этим в диссертации выясняются перспективы изучения женской дворянской повседневности XVIII – середины XIX в. для проекта антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории и исторической этнологии словесий, анализируется роль женской дворянской повседневности в механизмах формирования культурных традиций в контексте проблемы функционирования дворянской культуры России.

Указывая на сложность вопроса этнической идентификации дворянской культуры, автор диссертации уточняет, что употребление термина «русское» вместо «русское» применительно к дворянству снимает остроту проблемы «этнической чистоты» и указывает на формальную социокультурную общность, относящуюся к территории определенного государственного образования – Российской империи – и разделяющую статус подданства. В отношении дворянства при всей неоднозначности критериев его происхождения и расселения наиболее существенным параметром этнологического изучения становится то, какую культуру, какие конфессиональные и бытовые традиции оно усваивало и воспроизводило. С этой точки зрения, вполне корректно звучит и выражение «русское дворянство», означающее не этническую исключительность, а носителя определенной культуры, культуры определенного социального слоя России. Эта культура, безусловно, не была однородной, амбивалентность ее (сочетание корневого и западноевропейского пластов, если не принимать во внимание более дробную внутреннюю дифференциацию) не вызывает сомнений, что однако не дает оснований отказывать ей в национальной идентифика-

ции, особенно если ее носители сознавали себя русскими, противопоставляясь носителям других этничностей.

Как вариант социальной истории, история повседневности принимает в расчет целостное восприятие человеческой жизни в разных циклах - от рождения до смерти, через череду повторяющихся природных сезонов в течение каждого календарного года, с утра до вечера на протяжении суток. Несмотря на распространенный среди столичных жительниц и поддерживаемый литературой миф о провинциальной «скуке», женская повседневность в провинции отличалась плюральностью практик: участие в обычае гостевания, принятом между соседями по имениям, координирование хозяйственной жизни дворянской усадьбы, попечение об образовании детей, следование требованиям религиозного благочестия в отношении себя и детей (в частности, дочерей), заботы о собственном здоровье и здоровье детей, регулярное ведение обширной переписки. Если добавить к этому время, необходимое для ежедневного приема пищи и ухода за собой, и учесть, что в условиях усадебного быта день начинался и заканчивался раньше, чем в столицах, то станет ясно, что «обычный день» дворянки оказывался чрезвычайно насыщенным разными видами деятельности и эмоциональных реакций. Гендерная специфика провинциальной повседневности была обусловлена фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин.

Наряду с большим количеством дочерей в провинциальных дворянских семьях роль главы зачастую тоже принадлежала женщине. При наличии в семье нескольких поколений – это была старшая женщина: бабушка, мать или старшая сестра. Мотивацией могли служить разные обстоятельства объективного и субъективного характера, например, отсутствие мужчины в семье или, при его наличии, длительное нахождение его вне дома и даже проживание вдали от семьи в связи со служебной занятостью или другие особые обстоятельства, в силу которых дворянка могла занимать лидирующую позицию в семье. «Женское» главенство, как и мужское, основывалось на обладании недвижимой собственностью и, прежде всего, на возможности самостоятельно (единолично) распоряжаться экономическими ресурсами семьи. Наряду с сосредоточением в руках дворянки хозяйственных функций, вокруг нее, как правило, концентрировались коммуникативные связи семьи, о чем свидетельствует преобладание женских писем в составе семейной переписки провинциального дворянства. Изучение этих «сетей влияния» представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности. Для женщин было характерно установление горизонтальных связей, создание «сети отношений» с многочисленными родными, знакомыми (в том числе и заочными), и, вместе с тем, написание писем означало для них постоянно возобновлявшееся переживание собственной субъективности (одновременно и конструирование идентичности).

Фактором национальной идентичности дворянок, естественно, по-разному проявлявшейся у провинциалок и столичных жительниц, была своеобразная российская «двустоличность», символически воспроизводившая известную дихотомию дворянской культуры, обращенной одной стороной к традици-

онному русскому быту, а другой – к западноевропейским образцам. В реальных социокультурных условиях России провинциальные дворянки составляли подавляющее большинство по отношению к столичным, а провинциальные миры воплощали глубинный пласт корневой культуры, который либо вообще не был затронут европеизацией, либо подвергся ей весьма поверхностно. Делается вывод о важности изучения именно этого традиционного аспекта дворянской культуры, что позволит решить чрезвычайно существенную проблему ее функционирования на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей. Родовое начало и начало соборности, то есть представление социальной общности как религиозного единства, относимые обычно к атрибутам народной культуры, в не меньшей степени определяли повседневную жизнь провинциальных дворянок. Наиболее явно это проявлялось в культуре религиозных праздников, в свадебной, родинной и крестильной обрядности.

Постановка проблемы женской повседневности применительно к повседневной жизни российских провинциальных дворянок показывает, что результаты такого исследования позволяют уяснить не только особенности самих повседневных опытов и переживаний, но и специфику гендерных отношений и идентичностей в культурной модели России, а, вместе с тем, уточнить характеристику российской гендерной системы. Изучение женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческих субъективностей в их многообразных проявлениях может стать в отечественной историографии, как и в западных национальных историографиях, одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории.

Во второй главе – «Возраст детства российской дворянки XVIII – середины XIX в.: его восприятие и переживание в домашнем и внедомашнем пространстве» – дан анализ проблемы детства в контексте истории женской повседневности, уточнен ряд вопросов о конструировании нормативной гендерной идентичности дворянок в детском возрасте, о складывании гендерной асимметрии в дворянском обществе и особенностях воспроизводства принятого в нем гендерного контракта. Детская повседневность дворянок изучается как важнейший фактор формирования их идентичностей, последующих поведенческих и ценностных ориентаций.

В первом параграфе второй главы (2.1.) – ««Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX в. как методологическая проблема истории повседневности» – исследуется тема «мира детства» как междисциплинарная проблема в контексте гуманитарного знания, выясняется инновационный эвристический потенциал исследования «женского» детства в дворянской России XVIII – середины XIX в. с позиции истории повседневности по сравнению с другими дисциплинами, анализируется специфика изучения именно «женского» детства.

Делается вывод о том, что, в отличие от прочих научных дисциплин, исследующих взгляд на детство «извне» - со стороны наблюдающего или изучающего субъекта, иными словами взгляд *Другого* (представительни-

цы/представителя «своей» или «чужой» культуры) на детство, история повседневности как «*пережитая*» история, прежде всего из-за повышенного внимания к анализу «*субъективных источников*», или эго-документов, акцентирует взгляд «изнутри», то есть самого переживающего или некогда переживавшего детство субъекта, иначе - взгляд на *Собственное детство*. Например, в женских мемуарах этот взгляд, который можно назвать «заинтересованным», акцентирует три вида рефлексии: *во-первых*, рефлексии во взрослом возрасте своего детского состояния (не абстрактной взрослой женщиной «чужого» детства, детства другого субъекта, с которым разрыв во времени не компенсируется преемственностью идентичности, а именно своего), *во-вторых*, рефлексии собственного детского восприятия и оценок (а иногда двойную рефлексии – взрослую рефлексии детской рефлексии), *в-третьих*, рефлексии отношения взрослых к детям глазами ребенка, описанную позднее уже во взрослом возрасте.

История повседневности позволяет рассматривать детство не как переход к «истинному» состоянию, а как самоценное состояние. В контексте рефлексии собственной идентичности детство - не исчезающее и преходящее явление, а тождественное взрослому состоянию в той мере, в которой является его составной и преемственно обуславливающей частью. Этапы жизненного цикла индивида, вне зависимости от различий в их дифференциации, - это последовательные этапы развития одной и той же самотождественной идентичности. Многие мотивации поведения взрослого происходят из детства. Умаление значения детства или его недооценка (как, впрочем, и переоценка, идеализация) – в такой же мере культурный конструкт, культурное предписание как и распределение гендерных ролей. Не случайно эти явления тесно связаны между собой – внедрение гендерной роли в сознание индивида в основе своей осуществляется в детстве.

При анализе детства представительниц женского пола в контексте российской дворянской культуры XVIII – середины XIX в. автором диссертации подмечено парадоксальное, но вместе с тем закономерное обстоятельство. Образы детства, репрезентируемые русской классической литературой, составляющей общепризнанный литературный канон, который, как доказывают современные литературоведы, определяется исключительно «мужским» взглядом, - все сплошь мужские, сводимые, с известными оговорками, к архетипу дворянского недоросля. У дворянского детства в России – «мужское лицо». Детство девочек авторов-мужчин не интересовало, зато их пристальное внимание было приковано к девичеству - девушкам, барышням. Для них главная интрига женской судьбы, как и литературного произведения, заключалась в ситуации рассмотрения девушки в качестве потенциального или реального объекта мужского выбора, внимания, созерцания, интереса, любви. В этой связи детство героини, если оно описывалось, было существенно только формированием тех душевно-нравственных качеств, которые впоследствии оказывались оцененными героем-мужчиной.

В диссертации предпринята связанная с одной из методологических задач

исследования «женского» детства в контексте истории повседневности верификация с точки зрения этнологической достоверности ряда положений, претендующих на универсальность в междисциплинарных исследованиях детства (С. де Бовуар, Р.Барт, Ж.-Ф.Лиотар, Е.Улыбина, Ф.Арьес, Л. Демоз, К.Лёмер). Делается вывод о том, что с позиции истории повседневности целесообразно говорить о самоощущении детства: насколько «реальными» для взрослой женщины были ее детские ощущения и переживания, «близким» или «далеко отстоящим» воспринимался по прошествии многих лет собственный детский возраст и, следовательно, что можно наблюдать между детством и взрослым состоянием – континуитет или дискретность. Мемуары многих российских дворянок свидетельствуют о том, что в зрелом и преклонном возрасте они часто обращались к событиям своего детства. Конструирование в воспоминаниях собственной идентичности возвращало их к началу жизни, к ранним впечатлениям и опытам, в том числе к таким, о которых сами они не могли помнить, но знали по рассказам близких. Переживания детства, даже печальные, играли важную роль в осознании целостности и полноты прожитой жизни и оценивались как «счастливые» именно по отношению к ней. Записывая детские воспоминания как часть истории своей жизни, взрослые женщины с позиции уже иного жизненного опыта пытались «другими» глазами взглянуть на особенно болезненные эмоциональные травмы детства и, на этот раз, успешно «пережить» их, убеждая себя в том, что тогда они были счастливы.

Во втором параграфе второй главы (2.2.) – «Восприятие «женского детства» в дворянской культуре XVIII – середины XIX в.» – анализируются изменения в восприятии детства на протяжении полуторазекового периода традиционного бытования дворянской культуры, в том числе исходя из реконструкции «вещной» составляющей «мира детства», оформлявшей и маркировавшей особое детское пространство повседневности. Специальному исследованию подвергнуты ранее не ставившиеся в отечественной историографии проблемы иерархизации детского пространства, гендерной специфики детских вещей и игрушек, особенно, отношения к игровой кукле.

Сопоставление изображений детей с музыкальными инструментами позволило проследить, что скрипка атрибутируется мальчикам/юношам с тем же постоянством, что и фортепиано девочкам/девушкам. Гендерный аспект владения музыкальными инструментами свидетельствует об очередном стереотипе из числа тех, что пронизывали дворянское сознание. Автодокументальная традиция (письма, мемуары), а вслед за ней и русская классическая литература, зафиксировала это стереотипное атрибутирование барышням игры на фортепиано.

Отсутствие на протяжении всего исследуемого периода детской одежды для маленьких мальчиков и традиция одевать их в ассоциируемые с девочками «платица» позволяет конкретизировать принятое в то время понимание и «пола», и «детскости». Применительно к концу XVIII в. «некатегоризуемость» в одежде пола ребенка вплоть до 2-хлетнего возраста трактовалась дворянками как ангелоподобность и своего рода «бесполость». Мемуарные свидетельства

указывают на некую «изначальность», «аутентичность» женского пола и, вместе с тем, его предварительность, «незавершенность». Это означало парадоксальную установку, причем разделяемую женщинами, на некатегоризуемость пола в раннем возрасте при одновременном условном маркировании его как «женского», что отражало представление о «женском» как некоем «естественно данном», а о «мужском» - как «социально приобретаемом» по мере взросления и фиксируемом самим отличием от «женского». В этом состояла одна из априорных мотиваций последующего стереотипа о завоевываемой «мужественности» в противовес плавно достигаемой «женственности» на более позднем возрастном этапе гендерной дифференциации. Условное соотношение с женским полом воспринималось как своего рода «заготовка» потенциального пола, «шаблон», трансформируемый в собственно «пол» по мере взросления. В этом смысле асимметричность имплицитной трактовки «мужского» как «пола», а «женского» как соответственно некоего «недопола», представляется одним из проявлений принципа «экономии одного» (термин культуролога А.Усмановой), заключенного, так или иначе, в любой бинарной оппозиции. Тем самым «детскость», отождествлявшаяся с «недостатком пола», признавалась скорее за мальчиками, чем за девочками.

Как и в более раннее время, дети продолжали составлять «группу риска», особенно это касалось девочек 1-го года жизни. Не случайно дворянками в мемуарах особо подчеркивалось преодоление их детьми этой возрастной категории, а, потому, детство в глазах взрослых иногда оказывалось призрачным, эфемерным этапом жизни, о котором не следовало задумываться всерьез. Это не означает однако, что детей не ценили и потерю их не переживали.

В отношении детей в дворянских домах действовал принцип этажности: этаж определял статус по внутрисемейному «ранжиру». Чем выше этаж, тем ниже статус – в соответствии с этим с конца XVIII в. вплоть до конца XIX в. верхние комнаты особняков населялись детьми, приживалками и женской прислугой. Спуск вниз означал для девочки «приближение к матери». Последнее знаменовало собой переход ее в новую фазу жизненного цикла – девичество, которое характеризовалось в дворянской среде следующими формальными признаками: наименованием «взрослая барышня», выходом из-под попечения гувернантки, окончанием воспитания и образования, сближением с матерью. В середине XIX в. «взрослыми барышнями» считались девушки, достигшие 15 лет. Однако бывало и так, что повзрослевшие дочери продолжали населять верхние этажи дворянского жилища. Это подтверждается интерьерной живописью и автодокументальной традицией, причем в последней трактуется иногда как репрессивная стратегия.

Фамильная иерархизация воспроизводилась на всех уровнях российского высшего общества, вплоть до императорской семьи. Бытовые условия в помещениях, располагавшихся на верхних этажах, были зачастую еще менее комфортными, чем на нижних, где размещались покои взрослых. Одной из главных особенностей детских комнат было отсутствие в них высоких потолков, что создавало ощущение ограниченности пространства. Свидетельства женщин,

описывавших «низкие» детские образца 1855 г., созвучны в отношении как дворянского дома в Калуге, так и царских павильонов Петергофа.

С одной стороны, маргинальность детского пространства внутри дворянского жилища, а, с другой, представление о возможности свободного и безболезненного манипулирования местопребыванием детей исходя из интересов взрослых показывает, что родители, даже вполне любящие, не отдавали себе отчета в возможной эмоциональной привязанности ребенка к определенному месту. У ребенка не спрашивали его мнения относительно того, что будет с ним происходить, не интересовались его желаниями, ощущениями («не задавались наблюдениями за детскими впечатлениями или анализом детских характеров»), не ставили в ситуацию выбора и не принимали выбор, сделанный ребенком. Мемуаристки на уровне автоматической «проговорки» писали о том, что в нежелательной для себя ситуации они даже не смели думать(!) о том, чтобы перечить воле отца, не то, что открыто на вербальном или акциональном, поведенческом уровне выражать свое несогласие с навязываемым решением.

В результате сопоставительного анализа письменных и визуальных источников сделаны следующие выводы и дана периодизация меняющегося отношения к детям и детству в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.:

I период – 1700-1770-е гг. Вплоть до *последней трети XVIII в.* автодокументальные и иконографические источники признавали факт существования ребенка, его включенность в социокультурное пространство, но не детство как самоценное и значимое для взрослого состояние. Ребенок воспринимался либо в неразрывной связи со взрослым как продолжение его «родового» тела и эманация определенных (в первую очередь, лучших) его качеств, либо как «уменьшенная копия» того же взрослого, не имеющая собственного специфического облика. Детское лицо и пространство, детская одежда и подвижность не фиксировались взглядом взрослого. Взрослые «видели» в детях исключительно самих себя, какие-то аспекты присущих им достоинств. Портрет ребенка XVIII в. – это зеркало, в котором взрослый стремился разглядеть отражение собственных культурных смыслов и символических значений.

II период – 1770-1820-е гг. Ситуация начала меняться в *1770-е гг.*, достигнув иного уровня восприятия ребенка *на рубеже XVIII-XIX вв.* Новые тенденции характеризовались тем, что ребенок приобретал специфический детский облик, становился частью эмоционального мира взрослых, любовное отношение к ребенку демонстрировалось как в частном, так и в публичном пространстве, фиксировалась активность ребенка, а, следовательно, его право на подвижность, свободу движений, не зависимую от взрослого и не стесняемую им. Следует подчеркнуть, что особая роль в этом принадлежала деятельности творческих женщин – поэтесс (Е.Р.Дашкова, А.С.Жукова, В.А.Караулова, Ан.Л.Магницкая, Е.С.Урусова и некоторые другие, не оставившие своих имен) и художниц (М.Жерар, М.-Л.-Э.Виже-Лебрен). Хотя последние были француженками, некоторые их работы, посвященные дворянскому детству, хранились и писались в России. Во многом маргинализация темы детства и материнства в

дворянской культуре и в последующее время была преднамеренной. О работах М.Жерар, например, запечатлевшей уникальную с точки зрения изучения повседневности сцену того, как дворянские дети в конце XVIII в. делали первые шаги в присутствии и с помощью своих матерей, какие приспособления – подобие помочей и «ходунков» - для этого использовались (причем, аналогичные сцены можно наблюдать до сих пор), в авторитетном российском энциклопедическом издании начала XX в. было написано, что «картины ея лишены оригинальности, нередко сентиментально-слащавы», хотя даже такой строгий критик, в котором без труда угадывается мужской почерк, вынужден был признать наличие в них «искреннего чувства».

III период – 1820-1850-е гг. Следующий качественный скачок в восприятии детства можно заметить в *20-30-е гг. XIX в.*, когда дети, будучи изображенными отдельно от взрослых, практически всегда воспроизводились в специфическом детском пространстве или в окружении атрибутов детства - детских вещей и игрушек, дефицит которых тем не менее не был еще преодолен полностью. Акцент делался на трансляции уже их собственного внутреннего эмоционального мира, который воспринимался как своеобразный и отличный от взрослого. В совместных же изображениях детей и взрослых заметно стремление к передаче их эмоциональной общности, разделяемых ими занятий и времяпровождения (игры, чтения, письма, прогулки, раута), к художественному воссозданию значимого для тех и других пространства общей повседневности. Как и на рубеже XVIII-XIX вв. художницы, теперь уже не только французские (М.-Л.-В.Ансело, урожденная Шардон), но и российские (В.А.Чихачева, урожденная Черкасова) оказали особое влияние на развитие в живописи своеобразной «детской темы». И на этом этапе эволюции отношения к «миру детства» деятельность женщин-писательниц (А.П.Зонтаг, М.Б.Даргомыжская, Л.А.Ярцова, Е.М.Фролова-Багреева, А.О.Ишимова, А.А.Фукс, А.В.Зражевская, А.М.Дараган, М.А.Корсини, А.Г.Коваленская, Е.Ф.Тютчева) также вносила особый творческий вклад в виде специальной литературы (переводной и оригинальной) и периодики для детей. Появление таких изданий свидетельствовало о все более возрастающем внимании взрослых, прежде всего женщин, к детским интересам и наклонностям, об осознании ими специфики детского мироощущения и восприятия.

На протяжении полуторавекового периода XVIII – середины XIX в. изменения в восприятии детства в российской дворянской культуре происходили постепенно, долгое время оставаясь незаметными, что позволяет отнести детскую повседневность к реальностям «длительных циклов». При этом элементы динамики в репрезентациях «мира женского детства» становятся более отчетливыми на фоне общеевропейской эволюции ценности детства. Тем не менее традиционной триаде мужских имен (Ж.-Ж.Руссо - Н.М.Карамзин - Н.И.Новиков), повлиявших на возрастание значимости детской личности в России, рецепция произведений которых очевидна в мужской мемуаристике, может быть противопоставлена гораздо более многочисленная группа творческих женских личностей – поэтесс, прозаиков, художниц (Е.Р.Дашкова, А.С.Жукова,

В.А.Караулова, Ан.Л.Магницкая, Е.С.Урусова, А.П.Зонтаг, М.Б.Даргомыжская, Л.А.Ярцова, Е.М.Фролова-Багреева, А.О.Ишимова, А.А.Фукс, А.В.Зражевская, А.М.Дараган, М.А.Корсини, А.Г.Коваленская, Е.Ф.Тютчева, М.Жерар, М.-Л.-Э.Виже-Лебрен, М.-Л.-В.Шардон-Ансело, В.А.Чихачева и это еще не все, потому что многие авторы-женщины остались неизвестными), – спровоцировавших не только литературу для детей и «детскую тему» в искусстве, но и, что самое важное, особое отношение к ребенку, детскому возрасту и эмоциональности. Однако об их культурном вкладе обычно умалчивалось в историографии, при том, что мысль о создании «детского мира» именно женщиной все же звучала. Это, разумеется, должно было проявляться не только в интеллектуальной и художественной сферах, но и в протекавшей изо дня в день повседневной жизни дворянок. Будучи «историей *longue durée*», история «женского детства» в дворянской России оказалась тем не менее восприимчивой к некоторым западноевропейским атрибутам детства, таким как куклы, и сопряженным с ними стереотипным представлениям, продуктам мужского интеллектуального конструирования, закладывавшим основы гендерной дифференциации и патриархатного символического порядка, программировавшего судьбу девочки-дворянки как репродуктивную. Вместе с тем через негативизацию игры в куклы в женской автодокументальной традиции XVIII-XIX вв. заметно внутреннее неприятие и сопротивление образованных дворянок навязываемым жизненным стратегиям и манипуляциям их судьбами, особенно отчетливое в дискурсе эпохи женской эмансипации.

В третьем параграфе второй главы (2.3.) – ««Мир женского детства» в дворянской семье XVIII – середины XIX в. и легитимированные практики насилия» – проблематизируется женское детство в российской дворянской семье от «европеизации» до «модернизации» в контексте истории повседневности. Обращается внимание на то, что подходы истории повседневности как «пережитой» истории, или истории «изнутри», основанной на анализе «субъективных источников» (мемуаров, писем, дневников), позволяют «увидеть» детство глазами самих женщин, реконструировать их собственный «образ детства», который разительно отличался как от просвещенческой идеализации педагогических трактатов, так и от принятого в тогдашнем дворянском обществе канона воспитания.

Установлено, что к середине XIX в. дворянскую девочку до 5-ти лет уже называли «маленькой барышней», затем к девочкам и девушкам самого разного возраста применялась номинация «барышня». Это обращение имело помимо возрастной еще и социальную коннотацию, указывая на девочку именно дворянского происхождения. Сами женщины различали «младенческие лета», «малолетство», или «первый период детства», называя себя «малолетками» в возрасте до 5-ти лет включительно. В отношении же себя, в более старшем возрасте переживавших детство, употребляли обозначения: «дети», «ребенок», «девочка». Условной возрастной границей детства считались 12-14 лет, когда девочки вступали в пубертатный период и им могла быть присуща характерная для «переходного» возраста своеобразная «неустойчивость» идентичности.

Особо подчеркивается, что отношение дворянок к собственному детству по прошествии многих лет жизни определялось либо его идеализацией, либо негативизацией в зависимости, главным образом, от характера взаимоотношений девочки с матерью. Однако наряду с ними анализу подвергнуты взаимоотношения юных дворянок и с другими членами семьи как с родственниками – отцом, бабушками, дедушками, тетюшками, так и с женщинами-неродственницами, по функции «заменившими мать» - кормилицей, няней, гувернанткой. При реконструкции распорядка дня дворянских девочек делается вывод о том, что характер туалетных процедур менялся в зависимости от возраста и от того, на чьем попечении – няни или уже гувернантки - они находились. Если для 5-тилетней девочки это происходило в известной степени формально и было своего рода данью устоявшемуся утреннему ритуалу, то для 12-тилетней – составляло часть воспитательной стратегии гувернантки, целью которой было насаждение нормативной женственности. Также выясняются особенности детского рациона и устанавливается, например, что в первой половине – середине XIX в. в провинциальной повседневности от Тверской губернии до Калуги кофе считался допустимым для детского завтрака продуктом. Его употребляли не только девочки постарше – в возрасте 8-12 лет, завтракавшие вместе с гувернанткой, но и маленькие – «лет пяти», также любившие «откушать» «кофе со сливками и с сдобными булочками».

Анализ отношения взрослых к дворянским девочкам показывает, что к ним применялись достаточно жесткие воспитательные стратегии, причем более требовательную и «корректирующую» власть над ними чаще всего реализовывали представительницы и представители «младшего» поколения взрослых – матери, отцы, гувернантки, в то время как «старшее» поколение - бабушки, дедушки, няни - ассоциировалось у них, в большинстве случаев, с гораздо более спокойным и позитивным влиянием. Репрессивные воспитательные практики были настолько интегрированы в структуру семейной организации, что при негативном к себе отношении воспринимались как обычные, привычные, «законные». В дворянской семье принуждение в той или иной форме и степени могло коснуться любого в зависимости от занимаемой им внутрисемейной позиции. Анализ данной проблемы позволил более достоверно интерпретировать механизмы воспроизводства гендерной иерархизации внутри семьи, многие аспекты детской повседневности и особенности эволюции разноликих женских субъективностей.

Отношение к девочкам в дворянских семьях было дифференцированным и противоречивым. Оно могло зависеть как от индивидуальных пристрастий взрослых, так и от устоявшегося властного порядка в семье. При этом доминирование мужа и отца носило не только фактический, но и символический характер. Даже в тех случаях, когда женщины лишались мужей и утрачивали их власть над собой, они не переходили на партнерскую модель отношений с дочерью, а продолжали либо ее игнорировать, либо применять к ней репрессивную стратегию воспитания. В то время как сын ассоциировался с надеждами матери, воплощал для нее попытку «создания мужчины», которого она хо-

тела бы видеть рядом с собой, дочь была олицетворением собственных неудач, несбывшейся мечты, связи с мужем, не принесшей счастья и, наконец, безысходности от предчувствия повторения того же жизненного сценария. Досада на невозможность изменить к лучшему свою жизнь вымещалась матерью именно на дочери, которая воспринимала ее отношение как нелюбовь к себе. Это свидетельствует о том, что само материнство носило, по большей части, функциональный, вынужденный характер. Парадоксально, но при том, что судьба женщины программировалась как репродуктивная (а, скорее всего, именно вследствие этого), материнство не было осознанным индивидуальным женским проектом, по крайней мере в отношении дочерей, не являвшихся формальными продолжательницами дворянского рода.

В дворянской среде России XVIII - середины XIX в. можно выделить четыре типа семейного воспитания девочки: 1) *игнорирующий*, при котором ребенок (по разным причинам) оказывался оставленным и матерью и отцом, 2) *материнский*, или *квазиматеринский*, когда отец мог быть индифферентен к воспитанию девочки, либо неиндифферентен, но репрессивен, либо взгляды матери и отца на эмоциональные реакции ребенка и обращение с ним сильно расходились, 3) *отцовский*, или «*новое отцовство*», когда влияние отца на воспитание дочери воспринималось ею как существенное, 4) *партнерский*, при котором мать и отец стремились принять обоюдное участие в воспитании дочерей. При этом два первых типа преобладали по сравнению с двумя последними, которые встречались еще достаточно редко. Однако именно в тех случаях, когда отец принимал живое конструктивное участие в интересах и жизни дочери, воспитание ее обретало более гармоничный и сбалансированный характер. «Новые отцы» провоцировали в дочерях активную жизненную позицию, нацеливали их на развитие продуктивных личностных навыков и качеств, на ведение деятельного образа жизни. Прообразы «нового отцовства» конца XVIII в. будут пополнены последующими поколениями отцов второй половины XIX в., некоторые из которых как люди широких взглядов не только не разделяли традиционных представлений о предназначении женщины, но и не считали ее пассивной жертвой неудачного брака и даже способствовали возникновению в России высшего женского образования.

Репрессивные же воспитательные стратегии были напрямую связаны с конструированием нормативной гендерной идентичности дворянок, не с развитием заложенных в них способностей и дарований и предоставлением возможности раскрыть их самим, а с разнообразными телесными, поведенческими и нравственными «переделками», «корректировками», социокультурным моделированием. Тем самым закладывались основы формирования гендерной асимметрии в дворянском обществе, представления о социальной востребованности лишь одного «предназначения» женщины и воспроизводства связанного с этим и принятого гендерного контракта. Наряду с этим делается вывод о позитивной динамике на протяжении второй половины XVIII - первой половины XIX в. в степени материнского участия в процессе ухода за детьми как следствии общего повышения ценности детства. В 20-40-е гг. XIX в. женской автодокумен-

тальной традицией зафиксировано, что забота о детях стала составлять одну из важнейших сфер повседневного попечения провинциальных дворянок.

В четвертом параграфе второй главы (2.4.) – «Детство дворянских девочек в институтах в XVIII – середине XIX в.» – исследуется феномен женского институтского образования в контексте изучения мира внедомашнего детства девочек-дворянок, отличий его от семейного воспитания, более направленного формирования «женской» гендерной роли, насаждения нормативной гендерной идентичности юным представительницам дворянского сообщества в России второй половины XVIII - середины XIX в. Вместе с тем предметом исследования стали эмоциональные переживания и опыты, сопряженные с пребыванием в закрытых воспитательных учреждениях.

Институтское детство дворянских девочек второй половины XVIII - середины XIX в., будучи «просвещенческим» проектом и идеологическим продуктом российской власти, означало своеобразную утрату детства как такового, даже в тех ограниченных его проявлениях, которые были осознаны и доступны к тому времени. «Мир детства» как бы оставался за порогом Института, являвшего собой качественно иное социокультурное пространство, заполненное уже не «детьми», а персонифицированными «штатными единицами». Не случайно реальный возраст институток, учитывавшийся при поступлении, как бы переставал существовать по отношению к символическим «возрастам», принятым в новом укладе их жизни. В социокультурном пространстве институтского детства игра как атрибут детского замещалась искусственно привнесенным «порядком», своего рода уздой детской эмоциональности.

Институт в еще большей степени, чем семья выступал «полем» легитимации власти и гендера. Насколько эти опыты были интегрированы один в другой, показывает ряд характеристик: 1) исключительная иерархичность институтского уклада, 2) открытая и скрытая репрессивность в отношении не поддающихся или противящихся нивелирующему воздействию, 3) символическая прогнозируемость женской гендерной «роли» и внедрение ее в сознание воспитанниц посредством внушения представлений об атрибутах «женственности», 4) легитимированное формирование лояльности к верховной власти. При этом использовались стратегии «квазисемейной» адаптации - «принятия в семью», возглавляемую Матан-начальницей, и выше императорской четой, - при почти полном отлучении девочек от родительских семей, что следует расценивать как спекуляцию на наиболее чувствительных «рецепторах» детской эмоциональности. Тем самым институтское детство облекалось в форму псевдомашнего уклада, построенного, однако, на отрицании каких бы то ни было достоинств семейного воспитания.

Главное же, - воспитанниц, даже самых маленьких, не позиционировали как детей, не случайно их называли не девочками, а «девицами». Вводившиеся градации по классам, цвету форменной одежды, способностям и прилежанию призваны были заменить возрастные особенности и атрибуты детства, завуалировать, прежде всего в глазах самих институток, их причастность к своеобраз-

ному «детскому миру». Тем не менее «мир института», подменяя собой в известном смысле «мир детства», не мог компенсировать преимуществ домашней детской повседневности. Семейные «вольности», главной из которых было отсутствие жесткого распорядка дня «по звонку», замещались предписаниями и ограничениями принудительной социализации, оставлявшей ощутимые негативные переживания и оценки у бывших институток. Институтское детство представляло собой своего рода переходную форму между собственно детством и девичеством, в которое девочки-институтки вынужденно психологически вступали раньше своих сверстниц, воспитывавшихся дома и сохранявших дольше, несмотря на существовавшие запреты, возможность более или менее непринужденно играть, шалить и резвиться. В то же время институтское детство, как и домашнее, часто идеализировалось в женской автодокументальной традиции, невзирая на вполне критическое его осмысление, что также может истолковываться как стратегия эмоциональной компенсации негативных переживаний прошлого.

В третьей главе – «Возраст юности российской дворянки XVIII – середины XIX в.» – дан анализ следующего за детством этапа жизненного цикла российских дворянок – девичества - через изучение антропологических аспектов женской телесности, сексуальности, особенностей поиска и осознания гендерной идентичности.

В первом параграфе третьей главы (3.1.) – «Девичество в дворянской среде в XVIII – середине XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность» - установлено, что девичество как этап жизненного цикла в дворянской среде XVIII – середины XIX в. – либо слишком короткий период при раннем замужестве, либо формально пролонгированный до конца жизни в случае официального безбрачия. При этом девичество было отмечено еще большей неполноценностью, чем детство, поскольку обременялось многочисленными социальными ожиданиями, от осуществления которых зависели в будущем статусы женщины - семейный, социальный, гендерный. Основным содержанием этих социальных ожиданий была «своевременность» реализации дворянской девушкой матримониального и репродуктивного «предназначения». Причем, для окружающих юной дворянки девичество не имело самооценности как время ее внутреннего становления и обретения себя, формирования самооценки и начала самореализации.

Мемуаристки XVIII-XIX вв. называли девичество «молодостью» (иногда «юностью»), интерпретируя его в контексте формирования собственной идентичности, а себя в этом возрасте – «девушками», «девками», «девицами», «молодыми особами». Для мужской части дворянства в ряде случаев взросление девушки ознаменовывалось ее «вступлением в свет», что означало ее превращение в потенциальную невесту. Возрастные рамки девичества сильно варьировали в исследуемый период в зависимости от изменения принятого возраста вступления в брак. Вплоть до 80-х гг. XVIII в. обычный для российских дворянок возраст начала матримониальных отношений - 14-16 лет (иногда даже 13 (!)), на рубеже XVIII-XIX вв. – 17-18, к 30-м гг. XIX в. – 19-21. Во второй чет-

верти XIX в. уже встречались первые браки, заключенные в более зрелом возрасте – в третьем и, даже, четвертом десятилетиях жизни дворянок. Несмотря на действовавшую на протяжении XVIII – середины XIX в. тенденцию к более позднему замужеству дворянок, условные границы нормативного брачного возраста были жестко закреплены в сознании современников обоего пола.

Механизм социального конструирования гендера в период девичества явно характеризовался репрессивностью: 1) ограничение доступа к информации (чтению, образованию), в том числе касавшейся взаимоотношений полов, 2) жесткий контроль за акциональным и вербальным поведением и самовыражением, 3) запрет на внепубличную устную и письменную коммуникацию с представителями противоположного пола, 4) интериоризация представлений о постыдности телесного и сексуального, вплоть до низведения сексуальных отношений до уровня недочеловеческих («скотская любовь»), 5) предписание требований «строгого воздержания», соблюдения «девичьей драгоценности», 6) гендерное понимание «чести» и «славы» в отношении девушки. Особенно важно, что, несмотря на фиксируемые женской автодокументальной традицией переживания дворянками опытов конструирования собственной идентичности, им не удавалось избежать внушаемых стереотипов о жизненном пути как об «участи», в решении которой им самим отводилась пассивная роль, об отождествлении «участи» женщины с замужеством, о «счастье» девушки как о ее невинности до брака, о предназначении как о деторождении. Внутренняя самооценка зачастую определялась внешними требованиями и реализацией социальных ожиданий и культурных предписаний.

Наблюдается явное противоречие между ориентацией девушки на замужество и деторождение и, вместе с тем, блокированием обретения и осознания ею собственной телесности и сексуальности. В то же время запрет на сексуальное «взросление» легко объясним тем, что сексуальность женщины считалась принадлежностью не ее самой, а мужчины, чьей женой она должна была стать. Речь идет о своего рода *«отчужденной» сексуальности* женщины как потенциальной жены и «сексуальной собственности» (термин Р.Коллинза) «мужа на ее тело» в традиционных обществах. Как выразилась исходя из анализа антропологических данных Г.Рубин, «женская сексуальность в идеале должна отзываться на желания других, а не желать самой и не искать самостоятельно объект удовлетворения своей страсти». В отсутствии ритуала, легитимирующего и, вместе с тем, облегчающего переход из девичества в зрелый возраст, задача «нормативной» культуры заключалась не в том, чтобы девушка обрела себя, осознала собственную идентичность, а в том, чтобы стала «привлекательным», востребованным «матримониальным продуктом», тем, что Г.Рубин назвала «предметом обмена». Тем самым закладывались предпосылки удержания девушки/женщины в подчиненной позиции как основы гендерного контракта, при котором сохранялись 1) ориентация дворянок на получение преимущественно минимума образования, 2) отсутствие профессиональной реализации, 3) маргинализация женщин, предпринимавших внешнехозяйственную деятельность для обеспечения средств к существованию, 4) осуждение добрачных связей, 5) вос-

производство традиционной модели семейно-брачных отношений со старшинством и главенством, вплоть до «деспотизма», мужа, доходившего подчас до самых крайних негативных проявлений. Женские письма свидетельствуют и о возможности физического насилия со стороны «развратного мужа», доминировавшего в семье с позиции «грубой силы».

Однако для части дворянок эти же факторы при определенных обстоятельствах становились основой поиска собственной идентичности, обретения себя в новом качестве, самостоятельной выработки более «удачной», с их точки зрения, жизненной стратегии, в контексте которой они овладевали навыками отстаивания своих интересов и позиционирования себя не в качестве жертвы, а человека, способного справиться с ситуацией.

Во втором параграфе третьей главы (3.2.) – «Замужество и свадебная обрядность в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.» – исследованы критерии оценки брачного партнера/партнерши, мотивы вступления в брак и процедура замужества провинциальных дворянок.

Мотивы вступления в брак в разных слоях дворянства в исследуемый период варьировали от материальных соображений до взаимной склонности. Для мужчин матримониальный выбор определялся в большей степени социально значимыми критериями, нежели эмоциональными предпочтениями: в XVIII в. знатность происхождения невесты могла «перевесить» ее богатство, красоту и личные симпатии к ней, соотношение же между внешней привлекательностью и состоятельностью избранницы склонялось в пользу последней. Зачастую женитьба воспринималась дворянином как разновидность экономической сделки. Мемуаристки употребляли в таких случаях выражение «брак по расчету», наделяя его негативной коннотацией. В понимании же некоторых мужчин, напротив, «партии, без расчета ожившиеся», представлялись неприемлемыми. Для дворянки более важна была эмоциональная привязанность, однако далеко не каждая могла позволить себе обратиться на поиски таковой при неудачном браке. Возможно, такие критерии оценки брачного партнера, как его имущественное положение и нравственные качества отражали бытовой аспект православного представления о браке. В идеале повседневное семейное благополучие как залог счастливого брака не мыслилось российским дворянством, в особенности провинциальным, не только без взаимной любви и уважения супругов друг к другу, но и без определенного материального достатка, гарантировавшего им стабильный размеренный уклад жизни. Однако подобные идеальные конструкции совершенно не исключали разнузданного поведения мужей по отношению к женам, отсутствия с их стороны как любви, так и уважения в каждодневном совместном существовании.

Осознавая всю важность вступления в брак, дворянские девушки в большей степени полагались на жизненный опыт родителей и родственников, от которых ждали одобрения сделанного выбора, своего рода психологической легитимации, если, конечно, их предпочтения хоть как-то учитывались. К сожалению, интуиция взрослых не всегда играла позитивную роль в замужестве, и даже редкие исключения свидетельствуют не об удачности родительского выбо-

ра, а, скорее, о способности женщин приспособливаться к принудительному браку, обретать психологическую нишу при осознании невозможности изменить внешние условия своего существования. Однако даже сознательное «принесение себя в жертву» не могло компенсировать отсутствия чувства счастья, не говоря уже о вынужденном принятии на себя этой роли. Редко встречающиеся свидетельства мемуаристок о благополучно сложившейся жизни той или иной российской дворянки выводят своеобразную «формулу счастья»: собственное эмоциональное предпочтение в девичестве – позитивная любовная история – удачный брак. При этом смысл жизни, вопреки высокопарным ожиданиям или, напротив, приписываемой женщинам пассивности, отождествлялся ими со способностью самой испытывать нерепрессируемое чувство любви. Речь идет о состоявшейся женской сексуальности, не подлежащей «подавлению», которое в преобладающем ряде случаев в XVIII - середине XIX в. воспринималось как нормативное правило даже теми дворянками, кому оно доставляло наибольшие нравственные и физические страдания.

Анализ девичества как «возраста жизни», завершившегося замужеством женщины, позволил сделать следующие выводы. При отсутствии ввиду усугубления социальных ограничений в дворянской среде, в отличие от крестьянской, ритуала перехода в зрелый возраст, в ней длительно сохранялась последовательность традиционной свадебной обрядности.

В диссертации установлены и исследованы все этапы следующей конструкции дворянского свадебного обряда XVIII – середины XIX в.:

1. Сватовство, иногда с участием профессиональных брачных посредниц (свах). Либо знакомство дворянской девушки с будущим мужем, его ухаживания и официальное предложение о вступлении в брак.
2. Помолвка.
3. Принятие родителями девушки (или лицами, замещающими их) и девушкой (иногда вынужденно) решения о выходе замуж.
4. Согласие на брак родителей жениха посредством особых «застрахованных писем».
5. Благословение брака родителями и родственниками невесты. В ряде родов - традиция благословения невесты дядей по материнской линии.
6. Провозглашение официальными женихом и невестой (публичное объявление о выходе дворянской девушки замуж).
7. Формальное введение жениха в круг родных невесты посредством особых рекомендательных писем.
8. Сговор («сговорные церемонии или веселия»): «подчивание», бал, «этикетный и торжественный ужин и питье за оным».
9. Обручение.
10. Свадьба («свадебная церемония»): «проводы» невесты родными, ее «прощание» с ними, «выезд из отцовского дому» «в дом свекров».
11. Церковное венчание.
12. Встреча новобрачных после венца.
13. Послесвадебные визиты к родным и знакомым.

Эта конструкция относилась к браку по сговору как нормативной форме заключения брака, в отличие от альтернативного тайного брака (брака «увозом»), осуществление которого тем не менее иногда допускало сохранение отдельных элементов обряда.

На протяжении XVIII – середины XIX в. помолвка как часть свадебной обрядности редуцировала из отдельного самостоятельного акта в контексте «сговорных церемоний», смысл которого сводился к предварительной договоренности о сговоре, в обобщающее название процедуры достижения брачных договоренностей и всей совокупности досвадебных мероприятий. Помолвка, не увенчавшаяся заключением брака, истолковывалась вне зависимости от обстоятельств в терминах негативизации дворянской девушки, ее публичной репутации. Завуалированным объектом матримониальной сделки становилась «честь» девушки в гендерном значении. «Безславию», «безчестию», «обезславлению девушки» в результате того, что она считалась невестой, но так и не вышла замуж, наносило удар по символическому престижу дворянского рода и воспринималось как «безславию всему семейству», следовательно, как оскорбление представителей мужской его части, вынуждавшее последних «отдавать жизнь за честь сестры и матери» и «кончать дело благородным образом». Межродовые мужские конфликты, предметом которых являлась «честь» девушки урегулировались архаическим способом - исключительно в соответствии с дворянским этосом, даже если этическое их разрешение противоречило действовавшим законам. Дворянин, следовавший букве закона в «деле о чести и бесчестии» («подтверждается запрещение вызванному словами писмом или пересылкою выходить надраку или поединок»), утрачивал в глазах равных ему по социальному статусу представителей дворянской общности этические характеристики, которые собственно и позволяли причислять его к «благородным». Активное участие мужчин во всех ступенях свадебного обряда и в конфликтах, связанных с его нарушением, относит заключение матримониальных союзов к сфере мужских социальных взаимодействий и мужского престижа. Собственно девушке отводилась роль «канала» достижения мужских притязаний – статусных, имущественных, сексуальных и других.

Девушки в письмах, как правило, транслировали свою объектность, авторы же мемуаров, писавшихся в конце жизни, уже пытались рефлексировать над ней и критически ее оценивать. Для женского дискурса специфична плюральность обозначений разновидностей браков в зависимости от их движущих мотивов - «брак по расчету», «замужество по выбору родителей», «брак по любви». Вместе с тем самостоятельное значение девичества как «возраста жизни» для становления идентичности обесценивалось его ориентированностью на конечный результат в виде «своевременного» и «успешного» замужества, зачастую не имевшего ничего общего с достижением личностной состоятельности, внутреннего комфорта и эвдемонии.

В четвертой главе – «Возраст зрелости: деторождение и материнство российской дворянки XVIII – середины XIX в.» – выявляются переживания и восприятия дворянками «своего» и «чужого» опытов беременности, ро-

дов и обращения с младенцами; определяется место родильного обряда в системе обрядов жизненного цикла дворянской женщины и мире женской дворянской повседневности; анализируется проявление и закрепление в ситуациях беременности и, особенно, родов механизма социальной, в первую очередь, патриархатной, иерархизации. Предпринята попытка понять, как опыты беременностей, родов, материнства сказывались на конструировании идентичностей дворянских женщин, на способах позиционирования ими себя в частном и публичном пространствах.

Особо подчеркивается, что антропология беременности и родов дворянок ранее нигде не проблематизировалась и не исследовалась. Применительно к дворянской культуре XVIII – середины XIX в. родильный обряд вообще не изучался, поскольку данная проблематика, считавшаяся прерогативой этнографов, не попадала в поле зрения историков, а этнографы, в свою очередь, как и в случае с девичеством, не интересовались дворянством, не маркируемым ими в качестве носителя традиционной культуры.

В первом параграфе четвертой главы (4.1.) – «Переживание беременности российскими дворянками XVIII – середины XIX в.» – анализируется отношение дворянок к непрерывности репродуктивных опытов.

В первом разделе первого параграфа четвертой главы (4.1.1.) – «Беременность как антропологический «контекст» женской дворянской повседневности» – показано, что в российской дворянской среде XVIII – середины XIX в. беременность редко становилась единичным опытом женщины. Вне зависимости от места жительства, материального достатка и общественного положения дворянки неоднократно переживали это физиологическое и психологическое состояние, составлявшее своего рода антропологический «контекст» женской повседневности. Установлено обычное число переживавшихся дворянками беременностей – от 6 до 12, хотя встречались и более экстремальные цифры - 15, 19, 20, 22. Выявляемые в источниках сведения о количестве выживших детей свидетельствуют лишь о минимальном числе подтвержденных беременностей. Всего же реальных беременностей могло быть больше за счет поправок на неудачные беременности и умерших в детстве детей.

На бесконечную череду беременностей, предопределенную вкорененными ментальными установками, принципиально не влияли даже такие факторы, как возраст женщины и повторность ее брака, чувства, испытываемые ею к супругу, и степень ее образованности. Вместе с тем последний показатель высвечивает любопытную зависимость: дворянка, о которой известно, что она родила наибольшее число детей – 22 (А.А.Полторацкая, урожденная Шишкова), - «не умела ни читать, ни писать», а та, например, которая, дважды побывав замужем, не имела детей (С.А.Миллер-Толстая, урожденная Бахметева), отличалась высокой образованностью, в том числе знанием 14-ти иностранных языков. При том, что оба примера по своему уникальны и являют собой своеобразные крайности, сама по себе эта взаимосвязь подтверждает, как и в случае с замужеством, альтернативность образования женщины по отношению к матримонiallyно-репродуктивным опытам. Из этого, однако, вовсе не следует, что

все нерожавшие дворянки были образованнее своих многократно переживавших беременности современниц.

Как свидетельствует женская автодокументальная традиция, образование дворянок заканчивалось иногда даже не с замужеством, а с переходом в девичество, или с субъективно оцениваемым вступлением в «возраст невесты», о том же, чтобы оно продолжалось на репродуктивном этапе жизни, в большинстве случаев, не могло быть и речи.

Многократно повторявшиеся беременности приводили к тому, что дворянки вновь переживали материнство, имея уже старших дочерей, вступивших в период фертильности. Это порождало мотив некоего несоответствия репродуктивного поведения их принадлежности к поколению «старших женщин» в семье, символический статус которых определялся выходом за пределы детородного возраста и позиционированием себя как потенциальных бабушек. В действительности, 34-х, 39-ти и даже 42-хлетние матери взрослых дочерей сами еще были способны родить и не стремились сменить позицию «матери», так или иначе отождествляемую с сексуальной привлекательностью, на позицию «бабушки» - асексуального существа в характерном чепце. Межпоколенное столкновение «молодых» матерей с их старшими дочерьми интерпретируется как безотчетное и, вместе с тем, осознанное конкурентное отстаивание собственной сексуальности.

Беременность, по сравнению с другими аспектами женской дворянской повседневности, слабо репрезентирована автодокументальной традицией. В лучшем случае о ней просто упоминалось в письмах и мемуарах, в большинстве же текстов она вообще игнорировалась и сразу констатировался факт рождения ребенка. О том же, чтобы специально описывать свои переживания или изменения самочувствия, связанные с беременностью, за редчайшим исключением (А.П.Керн, А.Г.Достоевская), речи не шло вовсе. Делается вывод о том, что акцентировать внимание на беременности, неоднократно возобновлявшейся в течение репродуктивного периода жизни дворянок, противоречило тогдашнему канону письма. В этом случае немногие описания собственных беременностей и родов можно считать проявлениями «женского письма», в значении Э.Сиксу (*Hélène Cixous*), как преодоления стереотипов и канонов, как «прорыва» к своей телесности и эмоциональности, как попытки озвучить себя на «языке» тела.

Во втором разделе первого параграфа четвертой главы (4.1.2.) – «Отношение дворянок к первой беременности и родам» – исследуется отношение дворянок к первой беременности и родам и выясняется, что оно не было специфическим, маркирующим формальный переход в зрелый возраст. Соответствующий опыт подлежал вербализации лишь в случае особого эмоционального состояния, сопряженного с его переживанием. Установка на беременность как обязательную и возобновляющуюся практику на протяжении всего репродуктивного периода оборачивалась нейтрализацией восприятия каждого отдельного опыта, начиная с самого первого, если только он не был отмечен какой-либо драматической коллизией.

Первая беременность дворянок наступала обычно в первый же год суп-

ружества, что входило в число стереотипных ожиданий мужчин. В XVIII в. возраст первородящей женщины был достаточно низким – 16-17 лет. На протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. возраст первородящих женщин постепенно повышался. Дворянки поколения 1780-х гг., как правило, рожали впервые уже не ранее 18 лет. В 30-40-е гг. XIX в. первородящей женщине могло быть как 20-23, так и 28 и даже 37(!) лет. Однако последнее казалось чем-то из ряда вон выходящим даже благоприятно настроенным женщинам. «Вынашивание» образа ребенка, «мечтания» беременных, связанные с полом и относимые к разряду устойчивых антропологических свойств, составляют определенную культурную традицию, прочитываемую в дворянской среде на протяжении столетия, как минимум с конца XVIII до конца XIX в.

Каким бы ни было отношение женщины к конкретной беременности (от восторженного восприятия через нейтральное до явно негативного), это состояние переживалось ею не как нечто самоценное, а как экстраполяция представлений о собственном счастливом или несчастливом браке, либо эмоционального самоощущения от особых обстоятельств его заключения или трагического завершения. Особое значение для нее имело ее отношение к отцу будущего ребенка. Даже при неудачном браке первая беременность, как правило, была всегда желательной, но последние в череде многочисленных повторных беременностей почти неизбежно и при благополучных браках воспринимались как нежелательные, что сказывалось на последующем материнском отношении к детям.

Ненадежность диагностики беременности (субъективные ощущения и физиологический признак «повреждения женских немощей») превращала ее в антропологический опыт «большой длительности» (подтверждением служило наступление «живой половины», то есть период неустойчивой беременности и сопряженного с этим многомесячного ожидания доходил до 4,5 месяцев), трансформация которого слабо различима на протяжении XVIII – середины XIX в., а дифференцированность в зависимости от статусных, имущественных и локальных характеристик мало выражена.

Субъективные источники регистрируют определенные различия в восприятии беременности российских дворянок и иностранок неправославного вероисповедания, посещавших Россию и явно выражавших его в терминах «страха». Отчетливость ощущения «страха» европейских женщин, вызванного беременностью, свидетельствует о более рациональном к ней отношении. Вербализация страха – один из способов его рационализации и «снятия». Страхи российских дворянок не прочитываются столь отчетливо (это не значит, что они их не испытывали): беременность сразу обретала для них «контуры» ребенка или поощряемого многочадия, минуя «промежуточную» стадию – собственно беременной женщины, вынашивающей ребенка и имеющей особые ощущения, чувства, мысли, потребности, интересы. Беременность воспринималась не как состояние, прерывающее «обычный» ход жизни женщины, а как априори «вписанное» в нее. Избегание вербализации страха – свидетельство иррационального к нему отношения. В то же время российские дворянки не часто прибегали к

эвфемизму «положение» вместо «беременна» или «брюхата» или «в тягости».

При том, что моральные и социокультурные каноны ориентировали женщин на беременность как смысл женского существования, сама беременность оказывалась чем-то акцидентным, как и переживавшая ее женщина.

В третьем разделе первого параграфа четвертой главы (4.1.3.) – «Проведение беременности дворянками» – установлено, что беременности были максимально интегрированы в повседневность дворянок разного социального статуса – от провинциальных помещиц до «светских львиц» и великих княгинь. Однако причина этого заключалась не столько в рационализации их образа жизни и мировосприятия, сколько в недостаточной информированности как о наступлении самой беременности, так и о мерах предосторожности, связанных с ее благополучным проведением. Именно поэтому невынашиваемость беременностей, нередко завершавшихся выкидышами во многом из-за «ошибок поведения» самих беременных женщин, являлась такой же частью женской дворянской повседневности, как и нормальное их протекание.

При том, что в российской дворянской культуре не удастся проследить специальных ограничений и предписаний в отношении мобильности, занятий, питания и одежды беременных, носящих в народной традиции определенный символический характер, обращает на себя внимание повышенный интерес ближайшего окружения к женщине в последнем триместре беременности, что служит доказательством обесценивания ее как индивида и повышения ее значимости исключительно как будущей роженицы. Объектность беременных «на сносях» для их мужей лишь усиливает впечатление от женщины, вынашивающей ребенка, как «канала» для продолжения рода посредством желательного обретения наследника мужского пола. Это выражалось и в мужском эпистолярном дискурсе. Чем выше был статус женщины, тем более бдительное отношение к себе она вызывала в качестве беременной и роженицы ввиду возрастающей заинтересованности в наследнике (особенно это касалось женщин из царской семьи). В этом случае ее «обычный ход жизни» ограничивался более существенно. Кроме того, учитывался предшествующий неудачный репродуктивный опыт, который мог спровоцировать медицинское предписание пространственной иммобилизации, разумеется, если беременная оказывалась под врачебным наблюдением, как, например, в придворной среде, в отличие от провинциальной. Провинциальные же дворянки, в большинстве своем, могли полагаться только на собственную интуицию и рефлексию пережитого.

Во втором параграфе четвертой главы (4.2.) – «Родины в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.» – предпринята реконструкция дворянского родильного обряда.

В первом разделе второго параграфа четвертой главы (4.2.1.) – «Организация родов и родовспоможения в дворянской среде» – выяснено, что в женской автодокументальной традиции зафиксирована типология родов, среди которых различались первые, повторные, легкие, трудные, оперативные, экстремальные. К этому можно добавить дифференциацию родов на домашние и госпитальные.

Иногда женщины оказывались перед необходимостью принимать срочные самостоятельные решения относительно внезапно начинавшихся родов. Однако чаще всего они пассивно следовали воли отцов, мужей, врачей, родственников, в ущерб собственным ощущениям и переживаниям. Мемуаристки фиксировали свою подчиненность в качестве рожениц и, в силу этого, необходимость согласовывать намерения и действия с носителями или носительницами семейной власти. Влияние родов и отношения к ним на систему ценностей женщины осмыслялось подобно практикам выживания в буквальном и символическом смысле.

По сравнению с крестьянской культурой организация родов в дворянской среде в меньшей степени подчинялась универсальному механизму внутренней традиции, была более ситуативной, а, следовательно, менее предсказуемой с точки зрения исхода, регламентировалась внешними санкциями носителей власти в конкретном семейном пространстве. Наблюдается важная корреляция: степень допустимой активности роженицы в процессе родовой деятельности - обратно пропорциональна ее социальному статусу. Чем выше был статус роженицы, тем более пассивное участие в собственных родах ей предписывалось и большему репрессивному воздействию она подвергалась.

Во втором разделе второго параграфа четвертой главы (4.2.2.) – «Послеродовой период в жизни дворянок» – установлено, что послеродовой период в жизни дворянок XVIII – середины XIX в. в антропологическом смысле был одним из самых сложных, непредсказуемых и опасных для собственно выживания. Даже при, казалось бы, благополучном исходе родов он грозил возникновением серьезных осложнений, с которыми в то время слабо справлялись и которые могли стоить жизни родильнице, как первородящей, так и многоопытной. В социальном смысле этот период обретал ритуализованную форму традиционного «женского» обряда проведения-поздравления-дарения, «правила» которого, вместе с тем, были известны и мужчинам, иногда допускаемым к участия в нем. Несмотря на общую схему, данный обряд отражал имущественную, социальную и локальную дифференциацию дворянок.

Анализ семейной переписки позволил сделать вывод о том, что внутри семьи информацию о родах и самочувствии родильницы обычно распространяло женское окружение последней – сестры, матери, сестры мужей.

В третьем разделе второго параграфа четвертой главы (4.2.3.) – «Мать и дитя: антропология взаимоотношений» – показано, что в российской дворянской среде XVIII – середины XIX в. материнское грудное вскармливание начало практиковаться раньше, чем в европейской. Можно проследить динамику мотиваций дворянок, прибегавших к этому в середине XVIII в. из-за невозможности содержать кормилицу, а в конце XVIII в., подчиняясь своеобразному культурному императиву. Однако вне зависимости от актуальных в тот или иной период мотиваций практика материнского кормления грудью младенца вовсе не была обязательной и имела более широкое распространение среди менее состоятельных и менее статусных представительниц дворянского сообщества.

Антропологические опыты лактации дворянок конца XVIII – середины XIX в., спровоцированные конструктами французской и русской мужской литературной традиции (Ж.-Ж.Руссо, Б. де Сен-Пьер, Н.М.Карамзин), породили, в свою очередь, особую мифологию материнской любви, вызываемой естественным вскармливанием и предопределяющей характер будущих взаимоотношений с ребенком. Однако в силу многих причин медицинского и физиологического характера, несмотря на субъективные желания и намерения, кормление грудью матерью-дворянкой часто не могло состояться, вследствие чего приходилось пользоваться услугами замещавшей ее кормилицы. Применительно к исследуемой эпохе не удалось зафиксировать ни одного случая полного перевода младенца на искусственное вскармливание, в случаях же смешанного вскармливания в интервалы отсутствия кормилицы ребенка допаивали мало пригодным для этого коровьим молоком. Женская автодокументальная традиция не останавливается и на вопросе стимуляции выработки грудного молока у матери, воспринимая как данность факт возможности или невозможности лактации.

В целом, анализ зрелости как «возраста жизни» дворянской женщины через антропологические опыты и практики беременностей, родов и лактации позволяет прийти к следующим заключениям. Применительно к российской дворянской среде XVIII – середины XIX в. можно говорить о бытовании родильного обряда, источниками которого служили 1) традиции знатных слоев XVI-XVII вв., 2) отдельные элементы традиции синхронной крестьянской культуры и 3) некоторые рецепированные западноевропейские акушерские новации. При этом основной вопрос, обусловленный дилеммой о легитимации зрелости посредством замужества или рождения первого ребенка, не акцентировался мемуаристками либо ввиду очевидности для них ответа, либо в силу ментальной нераздельности и взаимосвязанности этих жизненных событий. Оба варианта представляются в равной степени справедливыми: вступление в «зрелый возраст» посредством замужества имело неотъемлемой целью и смыслом рождение детей, что придавало дворянской женщине социальный вес в глазах, прежде всего, ближайшего родственного окружения, не исключая ее, тем не менее, из числа несамостоятельных, подчиненных членов семейной организации.

Конструкция дворянского родильного обряда XVIII – середины XIX в.:

1. Период беременности («беременна», «брюхата», «в тягости», «в положении») с пролонгированным удостоверением и запретом на визуальную фиксацию образа женщины. Акцентирование в ходе беременности 3-х рубежей: признака ее возможного наступления в виде отсутствия регул («повреждение женских немощей»), надежного подтверждения при достижении ее середины («половина») и поздней стадии («на сносях»). Отсутствие табу на свободное перемещение в пространстве беременных, специальных ограничений и предписаний в отношении их занятий, питания и одежды.

2. Период родов («разрешение от бремени», «событие») в домашнем пространстве. Нехарактерность маргинальности пространства родов. Интегрированность в женскую повседневность. Обычай рожать первого ребенка в доме родителей

дворянки или ее мужа. Присутствие при родах женщин, вышедших из репродуктивного возраста, из ближайшего родственного окружения роженицы. Отсутствие запрета на присутствие при родах матери. Недопустимость на роды мужа. Отсутствие специальных обрядовых действий, за исключением чтения молитв повитухой-крестьянкой, во время «родовых схваток» («родовые боли», «боли», «мучить»). Универсальность позы роженицы (лежа на спине). Предписание пассивности роженице. Приглашение к роженицам повитух («акушерки», «повивальные бабки», «бабушки»). Помощь повитух дворянкам как при первых, так и при повторных родах. Врачебная помощь дворянским роженицам: от кровопускания в провинциальной среде до применения акушерских щипцов в придворной.

3. Послеродовой период. Традиция устных и письменных поздравлений с благополучным исходом родов и оповещения об этом широкого круга родственников и знакомых. Обычай проведывания после родов и денежного вознаграждения родильницы как своеобразной «защиты от сглаза». Допустимость участия мужчин в «женском» обряде. Маркируемость пространства родильницы как исключительно «женского». Допустимость для дворянок длительного восстановления после родов и перенесенных послеродовых осложнений.

4. Период грудного вскармливания. Особый статус новорожденной в дворянской культуре. Практика обрядового «перепекания» больных и слабых младенцев в провинциальной дворянской среде. Материнское кормление грудью как результат культурной рефлексии и внешнего содействия. Альтернатива лактации дворянок в виде естественного вскармливания кормилицами. Удовлетворение потребностей и интересов кормилиц как экстраполяция и проявление материнской заботы о младенце.

С учетом продолжавшихся в течение всего репродуктивного возраста (совпадавшего с наиболее активным и деятельным периодом зрелости) многократных беременностей и родов можно утверждать, что родильный обряд занимал центральное место в системе обрядов жизненного цикла дворянки и мире женской дворянской повседневности ввиду частой возобновляемости, большой социальной значимости и непредсказуемости исхода: своего рода пограничности между жизнью и смертью. Причем при тогдашнем уровне развития акушерства последняя перспектива была отнюдь не умозрительной. Кроме того, большинство дворянок, исключенных из сферы социальной реализации и самореализации, по неволе, должны были обретать в чем-то ином жизненные смыслы, в том числе и в репродуктивной сфере, которая, вместе с тем, оставалась полем принуждения, отстаивания мужского превосходства и реализации патриархатной власти. Зачастую, относясь без энтузиазма к очередной беременности, женщины воспринимали ее как навязанную ситуацию, которую они не выбирали и не могли изменить.

Анализ субъективных источников показывает, что дворянки переживали опыты беременности и родов, в большинстве своем, как «женщины-жертвы» (выражение М.Перро), а не «женщины, творящие свою судьбу», несмотря на их деятельную практическую активность и непрекращаемость привычных повсе-

дневных занятий в период вынашивания ребенка. Одиночные бунты некоторых из них, бравших на себя смелость принимать в это время самостоятельные решения, не оказывали влияния и, уж, тем более, не подрывали принятую форму власти (мужа или отца) в семье. Чаще всего женщины соглашались со своей ролью и отводимыми им «телесными» функциями: беременной, роженицы, родильницы, матери. Причем, все эти антропологические состояния, наделяясь пассивными коннотациями со стороны источника власти в семейном пространстве, по-особому осмыслялись и переживались самими дворянками-мемуаристками, сумевшими, в ряде случаев, оценить их критически по прошествии многих лет и вербализовать свое отношение к ним, тем самым, обретая активность при ретроспективном эмоциональном проживании психологически неблагоприятных ситуаций и позитивном преодолении их негативных последствий для психики.

Что касается значения деторождения в осознании гендерной идентичности, то в силу восприятия и переживания женщинами опытов беременностей, родов и материнства как неизбежных и не избираемых, отношение к ним в обычных условиях было эссенциалистским и субъективно редко артикулируемым, в то время как в экстраординарных обстоятельствах (например, в ситуации следования за осужденным мужем в Сибирь) они обретали повышенный ценностный смысл и особую эмоциональную значимость.

В пятой главе – «Возраст старости в дворянской культуре XVIII – середины XIX в.» – анализируется старость как «возраст жизни» дворянской женщины. Особое внимание уделено исследованию переживаний и осмысления феномена женской «старости» через изучение различий видения себя и другими замужних, вдовых и незамужних немолодых, пожилых, старых женщин-дворянок и, в то же время, реконструкция мира повседневности провинциалок преклонных лет.

В первом параграфе пятой главы (5.1.) – «Восприятие старости российскими дворянками XVIII – середины XIX в.» – установлено, что в восприятии российских дворянок XVIII – середины XIX в. старость как возраст жизни, помимо полноты самоощущения и исполненности индивидуального проекта («лета», «век»), – нисходящая фаза жизненного цикла («склон лет»). Объективное возрастание с годами, как в любом традиционном обществе, социальных потенциалов и амбиций субъективно снижалось осознанием собственной физической беспомощности, асоциальности, психологического бессилия в осуществлении желаний. Будучи временем эмоционального подведения итогов, возраст старости предполагал компенсацию событийной разреженности настоящего ретроспективным обращением к насыщенному опытами и переживаниями прошлому. При этом повседневность пожилых провинциалок отличалась большой хозяйственной занятостью и интенсивностью распорядительной деятельности, вплоть до деспотизма, по отношению к многочисленным домочадцам обоюбого пола.

Специально исследованы специфические, преобладающие дискурсы женской переписки заключительного «возраста жизни» - дискурс ограниченности

возможностей, дискурсы телесных недостатков и болезни. Установлено, что конфликт субъективного самоощущения и формального самовосприятия свидетельствует об усвоении пожилыми дворянками гендерных представлений, согласно которым поведение индивида детерминировано полом и возрастом и, в силу этого, всегда должно оставаться «подобающим» им. В женской автодокументальной традиции «старость» становилась элементом личностной характеристики индивидов как женского, так и мужского пола. Женщина в возрасте 60-ти лет безапелляционно считалась «старой» или «старухой», ее личностная характеристика практически исчерпывалась возрастными изменениями телесности, стремление же к поддержанию внешней привлекательности за такой женщиной не признавалось и осуждалось.

Во втором параграфе пятой главы (5.2.) – «Вдовство и материнство российских дворянок XVIII – середины XIX в.» – анализируются мотивы повторного вступления дворянок в брак и отказа от него, феномен женского вдовства и материнства в отношении взрослых детей на примере «биографической истории». Мотивация более частого, по сравнению с мужчинами, отказа женщин от новых матримониальных отношений заключалась в следующем: 1) представление о религиозном благочестии, в соответствии с которым вдовство для женщины предпочтительнее повторного вступления в брак, 2) высокая ценность материнства, особенно при наличии единственного ребенка, 3) сохранявшаяся эмоциональная привязанность, любовь к первому мужу, 4) нежелание терять обретенную самостоятельность и экономическую независимость, 5) отсутствие предложений о браке ввиду, напротив, материальной (в меньшей степени внешней) непривлекательности вдовы. Одним из следствий многолетнего, иногда многодесятилетнего (особая категория «молодых вдов»), вдовства становилась особая сосредоточенность дворянок на материнстве и материнских обязанностях. Социальные роли хозяйки-распорядительницы поместья и матери-устроительницы – единственно доступные и, в следствие этого, основополагающие, определявшие повседневную жизнь способы социальной реализации пожилых провинциальных дворянок.

Выяснено, что «структуры повседневности» провинциальной дворянки-вдовы определялись следующими ценностными приоритетами: 1) религиозное благочестие (исповедование православия, упование на Бога, на милость и помощь Божию, молитва, достойное проведение праздников, дела милосердия); 2) попечение о детях (воспитание, забота, нравственное назидание, соблюдение их имущественных интересов); 3) разносторонняя экономическая деятельность (организация хозяйства в имении, винокурение, питейные сборы); 4) реализация юридической правоспособности (подача прошений, взятие на себя обязательств, закладывание имений); 5) моральный этос (любовь к ближним, самоотвержение, добросердечие, милосердие, рачительность как следствие знания о нуждающихся); 6) пространственно-культурный кругозор (динамика «провинция - столица», «религиозный - светский»). Послебрачный период мог составлять существенную часть в жизненном цикле дворянок, в значительной мере совпадая с возрастом «старости» и характеризуюсь такими чертами как повы-

шенная предпринимательская активность и деятельный ресурс материнства. Причем материнство в этот период становилось смыслообразующим фактором экономического, культурного и социального аспектов повседневной жизни дворянской женщины.

В **Заключении** подводятся итоги диссертации, формулируются основные выводы исследования.

Антропология женской дворянской повседневности – новая тема в российской историографии, позволяющая активизировать ранее не востребуемый потенциал всей совокупности источников личного происхождения: писем, мемуаров, автобиографий, дневников, оставленных образованными дворянками и отражающих многообразный спектр их субъективного мировосприятия, жизненных опытов и практик. «Проговаривание» себя стало для большинства из них единственно доступной формой компенсации исключенности из публичного пространства и отсутствия официально признаваемых возможностей для социальной реализации.

Этнокультурная специфика российской дворянской среды ориентировала женщин на одновременную рецепцию западноевропейских повседневных практик и воспроизводство традиционных поведенческих и ментальных стратегий, сближающихся с исконными механизмами трансляции национальной культуры. Данная амбивалентность становилась своеобразным фактором дифференциации «структур повседневности» столичных и провинциальных дворянок, в реализации которых преобладала соответственно та или другая тенденция. Провинциальные дворянки в большей степени сохраняли приверженность в повседневной жизни традиционным ритуалам, связанным с замужеством, беременностью и родами как основными антропологическими опытами женского бытия.

«Возрасты жизни» дворянок в соответствии с четырехчастной схемой (детство, молодость, зрелость, старость) переживались и субъективно осмысливались многими из них как периоды репрессирующего нажима и социального диктата со стороны наделенных властью ближайших представителей родственного окружения обоего пола, занимавших формально доминирующие позиции в семье. Это в значительной мере не позволяло им почувствовать и осознать себя не только эмоционально комфортно, но и социально полноценно. Дворянское происхождение и официальная принадлежность к «привилегированному» сословию российского общества не гарантировали женщинам ни личного благополучия, ни социальной защищенности во внутрисословных властных иерархиях. При этом маргинальность провинциальных дворянок становилась для многих из них стимулом к самореализации через неформальные «сети влияния» и вербальное конструирование собственной идентичности в разнообразных автодокументальных текстах. Этнология женской повседневности включала в себя не только участие в социально признаваемых ритуалах и обрядах, в частности свадебном и родильном, но и специфические опыты осознания и переживания возрастных и гендерных различий.

Женский дворянский проект в России XVIII – середины XIX в. – это па-

радоксальное на первый взгляд сочетание эссенциализма, провиденциализма и феминизма. В действительности, оно отражало стремление к максимально более полному самовыражению российских дворянок, которые осознавали свою жизненную цель в одновременной реализации антропологической, религиозной и социальной программы. Такая универсальность не только не была для них внутренне противоречивой, но и задавала максималистское ощущение полноты проживаемой жизни, законченности ее возрастных и повседневных циклов.

Длительное сохранение и воспроизводство ряда практик и представлений в повседневной жизни дворянок, иногда вне зависимости от их общественного положения и места жительства, свидетельствует о традиционном характере культуры российского дворянства, ранее не подлежавшего изучению в таком ракурсе. Указанное обстоятельство вовсе не означает отсутствия какой бы то ни было динамики в антропологических «структурах повседневности» женского провинциального дворянского мира, но характеризует их как «циклы большой длительности».

Этногендерный анализ участия женщин в традиционных обрядах жизненного цикла, не исследованных применительно к дворянской культуре, позволили по-новому интерпретировать социокультурную роль провинциальных дворянок. Разработка аспектов женской телесности, сексуальности и религиозности в контексте дворянского быта (усадебного, городского, столичного, провинциального) как культурно-антропологического феномена дала возможность сопоставить и типизировать повседневные опыты и переживания дворянок с учетом возрастных, статусных, локальных, конфессиональных, этнокультурных отличий и решить проблему этнокультурного конструирования гендера.

Изучение традиционных аспектов дворянской культуры может приблизить нас к разрешению чрезвычайно существенной проблемы ее функционирования на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей.

В диссертации вводятся в научный оборот новые субъективные источники, в первую очередь, женские письма, анализ которых является базой для написания «пережитой» истории российских дворянок.

Диссертация не только реализует пример прикладного исследования по истории повседневности в российской историографии, но и вносит вклад в теоретическое осмысление концептов «повседневность» и «женская повседневность». Важнейшая теоретическая новизна диссертации состоит в том, что изучение женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческой субъективности во всех многообразных ее проявлениях может стать в российской историографии, как и в западных, одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории.

Диссертация акцентирует интерес российской историографии на истории повседневности как одной из новых парадигм истории, пока недостаточно представленной в российском историографическом пространстве. Расширяет возможности работы других ученых в области изучения женской повседневности разных сословий, повышает источниковедческую ценность субъективных, в

первую очередь эпистолярных источников, стимулирует дальнейшие исследования по истории повседневности прочих сословий и мужчин-дворян.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих опубликованных работах автора (общим объемом более 68 п.л.):

I. Монография:

1. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2009. 530 с. (33,125 п.л.)

II. Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

2. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29-31. (0,3 п.л.) Также: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=387&n=21

3. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85-97. (1,8 п.л.)

4. Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5-14. (0,75 п.л.)

5. Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII - первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 3-18. (1 п.л.) Также: http://www.nivestnik.ru/2007_2/index.shtml

6. Белова А.В. «Займись опять... моим счастливым детством...»: Детство дворянских девочек XVIII – середины XIX века // Родина. 2008. № 4. С. 110-113. (0,5 п.л.) Также: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=2578&n=126

7. Белова А.В. «В куклы я никогда не играла...»: Детские игрушки в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. // Родина. 2009. № 11. С. 92-94. (1,1 п.л.)

8. Белова А.В. «Снова принимаешь вид старухи»: Восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 5-16. (0,8 п.л.)

9. Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68-74. (0,4 п.л.)

10. Белова А.В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76-83. (0,9 п.л.)

11. Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А.Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2004. № 1/2 (30-31). С. 72-82. (0,9 п.л.)

12. Белова А.В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX в. как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред.

О.А.Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2005. № 3/4 (36-37). С. 28-38. (1 п.л.)

13. Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А.Хасбулатова. Иваново, 2006. № 4 (41). С. 45-63. (1,5 п.л.)

III. Статьи в научных изданиях:

14. Белова А.В. Письмо русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: культура и общение (по архивным документам) // Дни славянской письменности и культуры: Сборник докладов и сообщений / Отв. ред. О.Н.Овен. Тверь: ТвГУ, 1998. Вып. 4. 88 с. С. 38-51. (0,8 п.л.)

15. Белова А.В. Женщина в провинциальной дворянской семье в России конца XVIII – первой половины XIX в.: воспроизводство культурного этоса // Семья в России: теория и реальность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тверь, 29-30 октября 1999 г.) / Отв. ред. Т.П.Долгова. Тверь: ТГТУ, 1999. 204 с. С. 196-199. (0,3 п.л.)

16. Белова А.В. Оппозиция «столица – провинция» как элемент культурного кругозора русской дворянки // Экономика, управление, демография городов европейской России XV-XVIII вв.: История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы Международной научной конференции (Тверь, 18-21 февраля 1999 г.) / Отв. ред. И.Г.Серегина. Тверь: ТвГУ, 1999. 308 с. С. 169-176. (0,5 п.л.)

17. Белова А.В. Провинциальная дворянка Елизавета Лихачева // Дни славянской письменности и культуры: Сборник докладов и сообщений / Отв. ред. О.Н.Овен. Тверь: ТвГУ, 1999. Вып. 5. 72 с. С. 41-49. (0,6 п.л.)

18. Белова А.В. Процедура замужества русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века // Женщины. История. Общество: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.И.Успенская. Тверь: ТвГУ, 1999. Вып. 1. 198 с. С. 23-33. (0,7 п.л.) Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/docs/bk02ar05.rtf>

19. Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И.Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. 172 с. С. 32-44. (0,8 п.л.) Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/docs/bk04ar06.rtf>

20. Белова А.В. Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И.Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. 172 с. С. 21-31. (0,7 п.л.) Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/docs/bk04ar05.rtf>

21. Белова А.В. Письмо русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: культурологические особенности // Гуманитарное образование в современном вузе: Сборник статей, посвященный памяти профессора Т.П.Долговой / Отв. ред. Э.Ю.Майкова. Тверь: ТГТУ, 2000. 136 с. С. 102-104. (0,2 п.л.)

22. Белова А.В. Тверские дворянки: жизнь, исполненная благочестия //

Православная Тверь: Газета Тверской Епархии / Ред. протоиерей А.Шабанов. 2000. №№ 5-6 (76-77) май-июнь. С. 12. (0,4 п.л.)

23. Белова А.В. «Вот каков прекрасный пол в Тамбове!»: гендерная дифференциация тамбовского дворянского общества в письмах московской барышни // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Материалы международной научной конференции 20 апреля 2001 г. / Отв. ред. П.П.Щербинин. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2001. 244 с. С. 13-18. (0,3 п.л.)

24. Белова А.В. Выбор брачного партнера в русской дворянской семье конца XVIII – первой половины XIX в. // Современная семья: проблемы и перспективы развития: Материалы Всероссийской научной заочной конференции / Отв. ред. Э.Ю.Майкова. Тверь: ТГТУ, 2001. Вып. 1. 140 с. С. 91-92. (0,1 п.л.)

25. Белова А.В. Гендерная идентичность русской дворянки и семейная сфера // Семья в России: история и современность: Материалы Всероссийской научной заочной конференции / Отв. ред. Э.Ю.Майкова. Тверь: ТГТУ, 2001. 80 с. С. 15. (0,1 п.л.)

26. Белова А.В. Гендерный подход в изучении истории российской дворянской повседневности // http://university.tversu.ru/conference_jubilee/kaf_ist_dr_mira/AVBelova.doc (публикация в сети Интернет, 0,25 п.л.)

27. Белова А.В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 7-9 июня 2001 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А.Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 260 с. С. 49-55. (0,4 п.л.) Также: http://anthropology.ru/ru/texts/belova_av/woman_05.html

28. Белова А.В. «Женское письмо» в дворянской культуре России конца XVIII – первой половины XIX века // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г.И.Зверева. М.: РГГУ, 2001. 320 с. С. 260-273. (0,8 п.л.)

29. Белова А.В. Гендерное измерение российской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX в. // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции (Иваново, 25-26 июня 2002 г.): В 2 ч. / Отв. ред. О.А.Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2002. Ч. II: История, социология, язык, культура. 284 с. С. 171-172. (0,1 п.л.)

30. Белова А.В. Гендерный дискурс в русском дворянском обществе на рубеже XVIII-XIX вв. // Женщина в гражданском обществе: история, философия, политика: Материалы VI конференции, посвященной теории и истории женского вопроса и женского движения (Санкт-Петербург, 6-7 июня 2002 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А.Тишкин. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2002. С. 88-89. (0,1 п.л.)

31. Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века: CD-Rom / Сост.

Т.А.Клименкова, Е.И.Трофимова, Т.Г.Тройнова (© Женская Информационная Сеть; Клименкова Т.А., Трофимова Е.И., Тройнова Т.Г.; ООО «Мощные Компьютерные Технологии» при поддержке Канадского Фонда поддержки российских женщин). М., 2002. (0,8 п.л.)

32. Белова А.В. «Женское письмо» как источник по истории российской дворянской повседневности // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции (Москва, 18-19 апреля 2002 г.) / Сост. Р.Б.Казаков; Редкол.: В.А.Муравьев (отв. ред.), А.Б.Безбородов, С.М.Каштанов, М.Ф.Румянцева. М.: РГГУ, 2002. 549 с. С. 116-118. (0,2 п.л.)

33. Белова А.В. Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века: CD-Rom / Сост. Т.А.Клименкова, Е.И.Трофимова, Т.Г.Тройнова (© Женская Информационная Сеть; Клименкова Т.А., Трофимова Е.И., Тройнова Т.Г.; ООО «Мощные Компьютерные Технологии» при поддержке Канадского Фонда поддержки российских женщин). М., 2002. (0,7 п.л.)

34. Белова А.В. История повседневности и гендерное измерение русской дворянской культуры // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века: Материалы международной научной конференции 25-28 апреля 2002 г., Тверь – Кашин - Калязин: В 2 ч. / Отв. ред. Н.В.Середа. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 560 с. Ч. 1. 300 с. С. 63-72. (0,6 п.л.)

35. Белова А.В. Уездные «абитуриентки»: прием провинциальных дворянок в столичные институты // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей под общей редакцией В.И.Успенской. Тверь: ОГУП «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2002. Вып. 2. 320 с. С. 212-228. (1,1 п.л.)

36. Белова А.В. Письма А.М.Коллонтай и традиции «женского письма» в русской дворянской культуре // Александра Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции (Тверь, 11 марта 2002 г.) / Под ред. В.И.Успенской. Тверь: Золотая буква, 2003. 264 с. С. 179-199. (1,3 п.л.) Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/pbbk000r.htm>

37. Белова А.В. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л.Пушкаревой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 528 с. С. 269-284. (1 п.л.)

38. Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries // Women and Gender in 18th-Century Russia / Edited by Wendy Rosslyn. Aldershot, Hampshire GU11 3HR, England: Ashgate Publishing Ltd, Gower House, Croft Road, 2003. 284 p. P. 147-161. (0,9 п.л.)

39. Belova A. Национальная и гендерная идентичность русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (Die nationale und geschlechtliche Identität der russischen adligen Frau am Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts) // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender

in Deutschland und Russland / Hrsg. von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl und Antonia Napp. Würzburg: ERGON Verlag, 2005. 553 S. zahlr. Abb. (Identitäten und Alteritäten, Bd. 20) S. 375-386. (0,75 п.л.)

40. Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.К.Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 532 с. С. 284-285. (0,1 п.л.)

41. Белова А.В. «Мир женского детства» в российской дворянской семье XVIII – середины XIX в.: легитимированные практики насилия // Род и семья в контексте тверской истории: Сборник научных статей / Ред. Т.И.Любина, В.В.Чижова. Тверь: Лилия Принт, 2005. Вып. I. 334 с. С. 3-28. (1,5 п.л.)

42. Белова А.В. Девичество в российской дворянской семье XVIII – середины XIX в. // Род и семья в контексте тверской истории: Сборник научных статей / Отв. ред. Т.И.Любина, В.В.Чижова. Тверь: Лилия Принт, 2006. Вып. 2. 316 с. С. 25-47. (1,5 п.л.)

43. Белова А.В. Женская повседневность в контексте истории женщин и истории повседневности // Женщина. Общество. Образование: Материалы 8-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции (Минск, 16-17 декабря 2005 г.). Мн.: ЖИ ЭНВИЛА, 2006. 408 с. С. 340-342. (0,2 п.л.)

44. Белова А.В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX в. в контексте истории повседневности // Материнство и детство в России XVIII-XXI вв.: Сборник научных статей. В 2-х частях. М.: ГОУВПО «МГУС», 2006. Ч. 2. С. 201-213. (0,9 п.л.)

45. Белова А.В. Процедура замужества русской провинциальной дворянки (конец XVIII – первая половина XIX века) // Женщины в социальной истории Твери / Сост. и ред. В.Успенская. Тверь: ФЕМИНИСТ-ПРЕСС, 2006. 240 с. С. 42-53. (0,7 п.л.)

46. Белова А.В. «В куклы я никогда не играла...»: отношение к игровой кукле в женской автодокументальной традиции России XVIII-XIX веков // О женщине, женщинах и прочем: Сборник, посвященный юбилею профессора Е.Н.Строгановой. Тверь: ТвГУ; Изд-во «Марина», 2007. 308 с. С. 242-259. (1,1 п.л.)

47. Белова А.В. Женская повседневность в контексте истории повседневности: гендерная чувствительность новой социальной истории // Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация: Материалы V Международной межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации» (Санкт-Петербург, 10-12 ноября 2005 г.) / Отв. ред. Т.А.Мелешко, И.И.Юкина. СПб.: «Алина», 2007. 161 с. С. 145-153. (0,8 п.л.)

48. Белова А.В. Концептуализация женской повседневности и гендерная чувствительность новой социальной истории // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты: Сборник статей участников Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей, посвященной 35-летию Тверского государственного университета. Тверь, 23-26 апреля 2006 г.: В 3 т. / Отв. ред. А.В.Винник, Т.И.Любина.

Тверь: ТвГУ, 2007. Т. 1. 296 с., илл. С. 7-18. (0,9 п.л.)

49. Белова А.В. Понятие «повседневность»: историческое содержание и культурные смыслы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 3. С. 95-108. (1,3 п.л.)

50. Белова А.В. Этнология российской дворянской семьи XVIII – середины XIX в.: легитимация власти и гендера // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления (Саранск, 9-14 июля 2007 г.). Саранск, 2007. 512 с. С. 201. (0,1 п.л.)

51. Белова А.В. Репрезентация мира детства в женской дворянской поэзии и детские писательницы первой половины XIX века // Мир детства и литература: Сборник статей и материалов / Ред. О.С.Карандашова, М.В.Строганов. Тверь: Марина, 2008. 180 с.; илл. С. 57-65. (0,5 п.л.)

52. Белова А.В. «Женское детство» в дворянской культуре XVIII – середины XIX века // Социальная история. Ежегодник. 2008 / Отв. ред. Н.Л.Пушкарёва. СПб.: Алетейя, 2009. 349 с. С. 23-46. (1,5 п.л.)

53. Белова А.В. Мать и дочь в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.: конфликт идентичностей // Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. 19-21 июня 2009 г., г. Петрозаводск, Республика Карелия / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН; Российская ассоциация исследователей женской истории; Отв. ред. Н.Л.Пушкарёва. М.: ИЭА РАН, 2009. 117 с. С. 10-11. (0,1 п.л.)

IV. Публикации в учебно-методических изданиях:

54. Белова А.В. Русская провинциальная дворянка конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (аннотация курса) // Аннотации курсов по женским и гендерным исследованиям в Тверском государственном университете, 1999-2000 / Сост. В.Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 1999. 12 с. С. 10. (0,1 п.л.); 2-е издание: Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И.Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. 172 с. С. 19. (0,1 п.л.)

55. Белова А.В. Русская провинциальная дворянка конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (программа курса) // Программы курсов по женским и гендерным исследованиям в Тверском государственном университете, 1999-2000 / Сост. В.Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 1999. 40 с. С. 35-39. (0,4 п.л.); 2-е издание: Женские и гендерные исследования: авторские программы курсов: Уч.-метод. пособие / Сост. В.Успенская. Тверь: ТвГУ, 2001. 82 с. С. 31-36. (0,4 п.л.) Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/pbpr007r.htm>

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 26.10.2009. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 4,25. Тираж 100 экз. Заказ № 459.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.